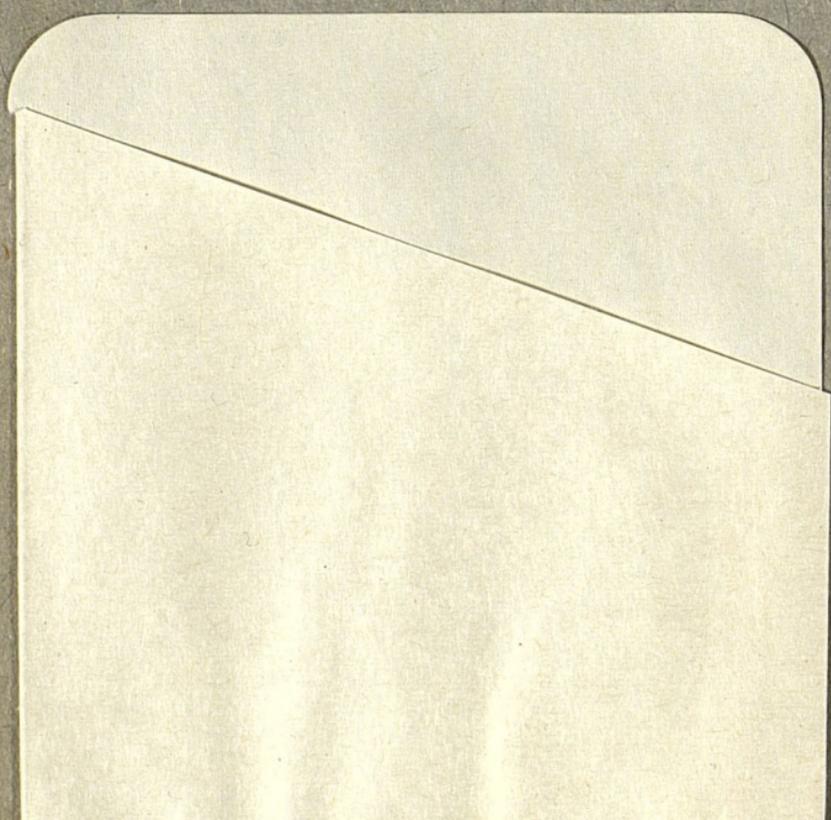
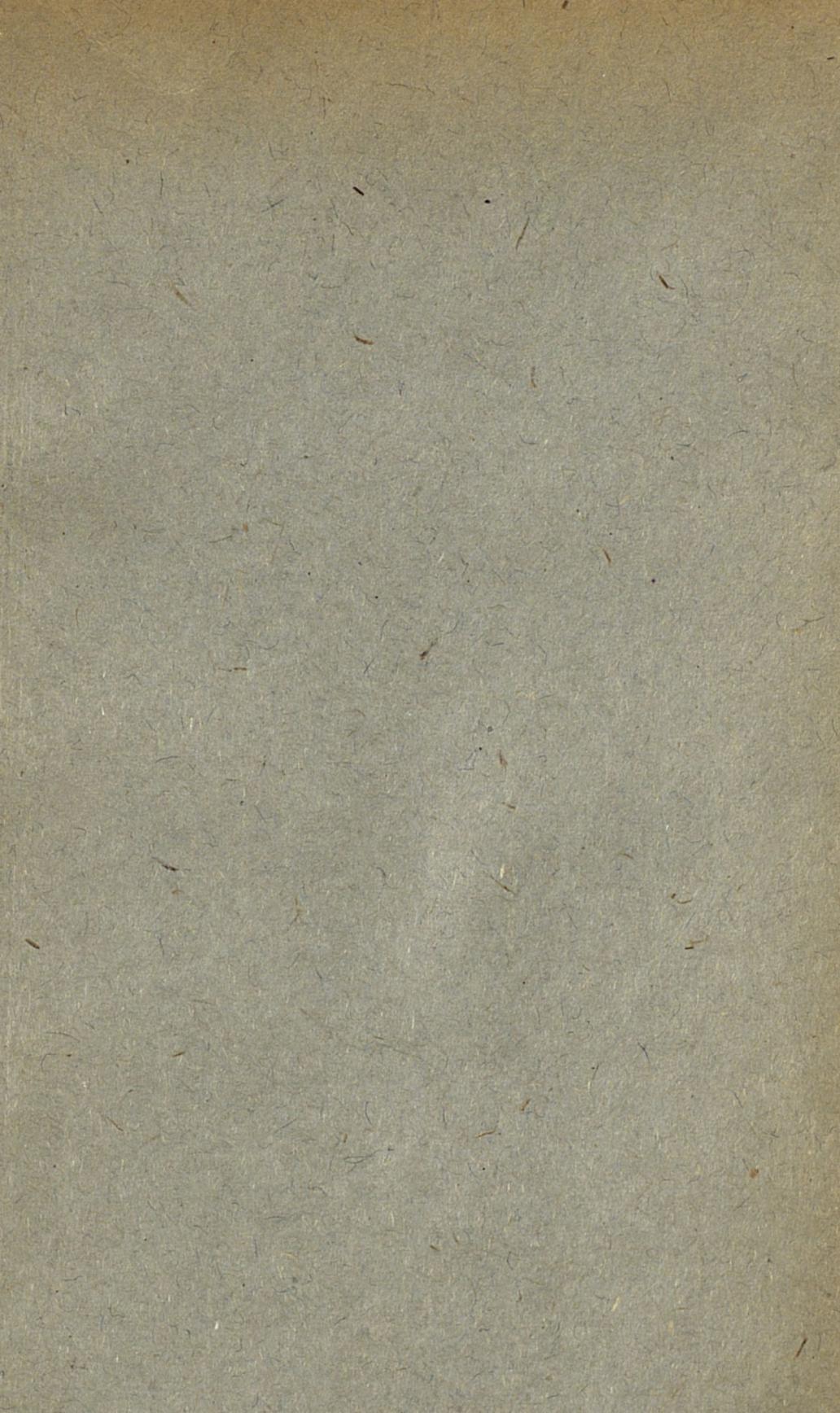

Авенариге.

Перв. русск
изобретатель,
гв. Петр. Кулибин.

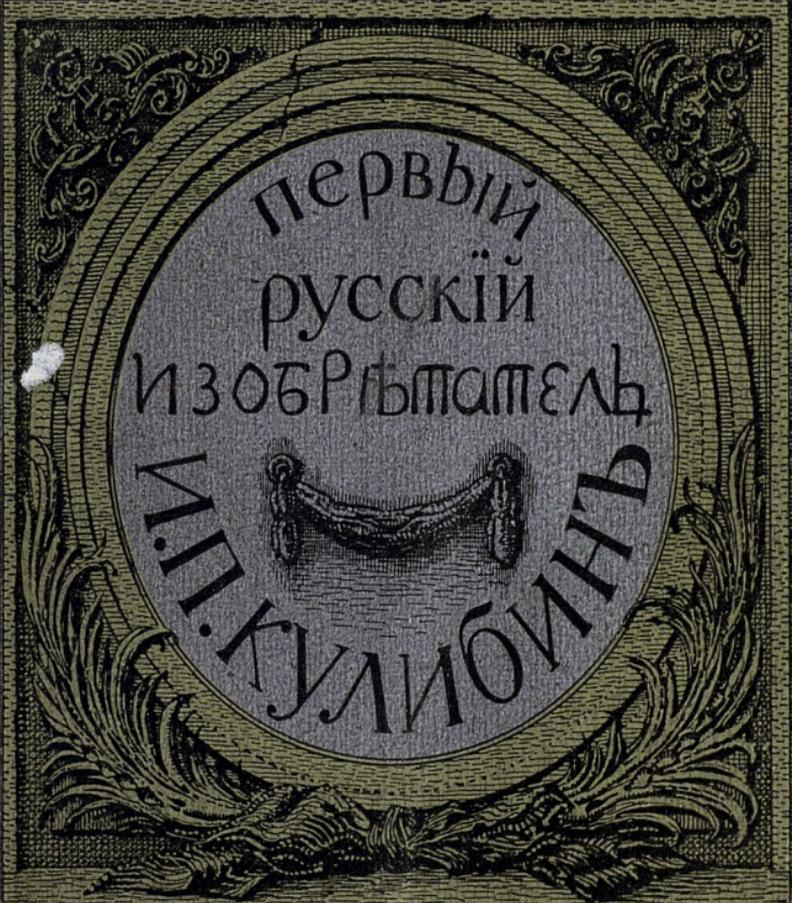
M $\frac{100}{59}$

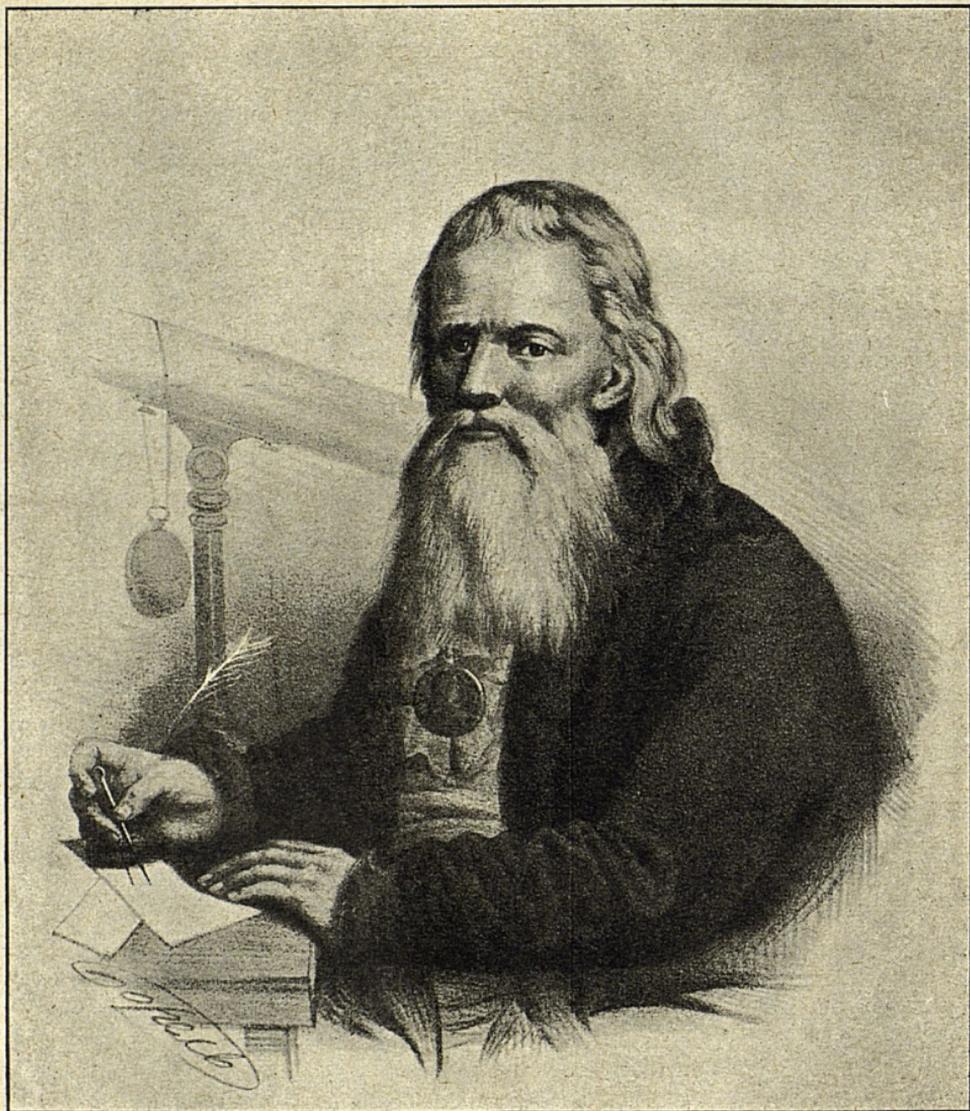
В. П. Авенариусъ

перввй
русскй
изобрѣтатель
ИШ.КУЛИБИНЪ

Рисовалъ В. Арнольдъ. - Трещало на рингѣ С. М. Прогданинъ, Бѣлгій.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА П. В. ЛУКОВНИКОВА

Иванъ Пурехинъ

100
59

В. П. Авенариусъ.

**ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ИЗОБРѢТТЕЛЬ,
ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КУЛИБИНЪ.**

БИОГРАФИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Съ 8-ю портретами и рисунками.

Цѣна 50 к., въ папкѣ 70 к., въ переплетѣ 1 р.

5639

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова.
Лештуковъ переулочъ, 2.

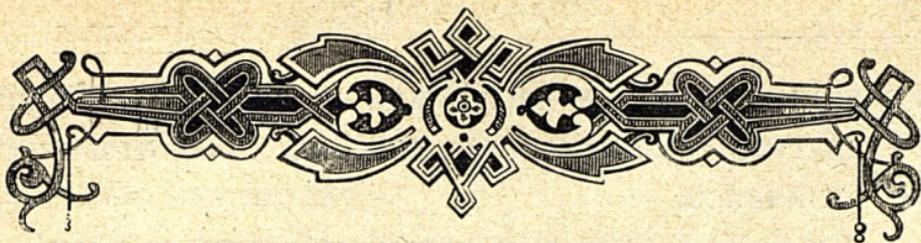

2007054932

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Глава I. Первые годы жизни.—За указкой и за прилавкомъ.—Флюгарка, мелѣнка и шлюзь.— Чужіе стихи и собственные вирши	7
» II. Колоколенные часы съ «курантами». — Первые самодѣльные часы.—У часовыхъ дѣлъ мастера въ Москвѣ. — Деревянные часы съ кукушкой и металлическіе часы.— Постоянный заработокъ	13
» III. Женитьба и свой домъ.— Губернаторскіе часы и именитые заказчики.— Царицыны часы и уговоръ съ купцомъ Костроминымъ.	22
» IV. Электрическая машина, микроскопъ, телескопъ и зрительныя трубы.— Сановный покровитель — графъ Григорій Орловъ.— Осмотръ диковинныхъ часовъ императрицею Екатериною II.	32
» V. Вызовъ въ петербургскую Академію Наукъ.— Приѣмъ въ Зимнемъ Дворцѣ и кантата. — Награжденіе Кулибина и Костромина.— Въ академической мастерской.— Оптический телеграфъ, астрономическіе и математическіе приборы для кораблей.— Оригинальные астрономическіе часы съ вѣчнымъ календаремъ и дальнѣйшая судьба этихъ часовъ	44

» VI. Премія лондонской академіи на воздушный мостъ.—Поддѣлка ученымъ кулибинской модели и провалъ ученаго.	51
» VII. Кулибинская модель моста.	58
» VIII. Говорящая статуя.— Часы «съ павлиномъ и слономъ». — Представленіе Суворову и двумъ иностраннымъ монархамъ.	69
» IX. Два самохода: по водѣ и по сушѣ.—Искусственная нога. — Чудо-фонарь. — Оптический фейерверкъ.	77
» X. Спускъ военнаго корабля.—Починка колоколеннаго шпиля Петропавловскаго собора въ Петербургѣ.	86
» XI. Прощальная аудіенція у императора Александра I.—Возвращеніе въ Нижній.	101
» XII. Самоходное судно по Волгѣ.—Постоянный мостъ черезъ Неву. — Perpetuum mobile.—Кончина Кулибина	109

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первые годы жизни.—За указкой и за прилавкомъ.—
Флюгарка, меленка и шлюзь.—Чужіе стихи и собствен-
ныя вирши.

Среди простыхъ горныхъ породъ попадаются иногда цѣлые самородки благородныхъ металловъ; точно такъ же и среди темной массы простого люда появляются временами самородки блестящихъ талантовъ и геніевъ. Такимъ-то самородкомъ, вышедшимъ изъ народа, былъ Иванъ Петровичъ Кулибинъ, родившійся въ Нижнемъ-Новгородѣ 10-го апрѣля 1735 года.

Отецъ Ивана Петровича, изъ „посадскихъ людей“, иначе изъ мѣщанъ, былъ небогатый мучной торговецъ. Лавка его стояла на нижнемъ базарѣ, гдѣ онъ и проводилъ весь свой день съ утра до вечера; малютка же сынъ его оставался у матери въ собственномъ ихъ домикѣ, въ приходѣ церкви

Успенія. Здѣсь, на дворѣ или въ саду, онъ игралъ съ другими ребятами, ничѣмъ пока отъ нихъ не отличаясь.

Когда подошло ему время учиться грамотѣ и счету, Ванюшу отдали въ науку къ мѣстному дьячку. У мальчика обнаружили недюжинныя способности, и онъ живо перенялъ у дьячка столько книжной и цифирной премудрости, сколько требовалось лабазнику.

— Ну, Ваня, теперъ тебѣ пора и за прилавокъ,—объявилъ отецъ.—Смекалкой тебя Господь не обидѣлъ; авось, и къ нашимъ торговымъ оборотамъ скоро пріобыкнешь.

Но Ваня не оправдалъ надеждъ отца. Стоитъ онъ, бывало, за прилавкомъ; но какъ только отецъ отвернется,—глядь, мальчикъ усѣлся уже въ уголокъ и возится съ ножомъ надъ какимъ-то кускомъ дерева.

— Ты что тамъ балуешься, Ваня?—окликнетъ его отецъ.

— Да вотъ флюгарку на крышу лажу,—отвѣчаетъ Ваня.

— Флюгарку! На кой прахъ намъ флюгарка?

— А чтобы знать, откуда вѣтеръ дуетъ.

— Дуракъ ты, глупая голова! Выдь на улицу, подыми носъ на вѣтеръ,—вотъ те и флюгарка. Пошелъ за прилавокъ!

Перечить родителю и думать не полагалось. Вздохнетъ нашъ Ваня и поплетется опять за прилавокъ.

День, другой проходитъ, какъ слѣдуетъ; а на

третій онъ снова, въ своемъ излюбленномъ уголкѣ, мастерить что-то ножомъ, приспособляетъ деревяшку къ деревяшкѣ.

— Ты опять за своей дурацкой флюгаркой!— напускается на него отецъ.

— Нѣтъ, батюшка...

— А что же это у тебя?

— Меленка это...

— Какая такая меленка?

— Да вертушка съ трещоткой, чтобы воробьевъ, значить, на огородѣ пугать.

— Вотъ наказанье божье! Путнаго отъ тебя, знать, во вѣкъ не добьешься. Все игрушки да игрушки! Подай-ка сюда твою вертушку!

— Да она у меня, батюшка, еще не готова...

— Подай, говорятъ тебѣ!

Выхвативъ изъ рукъ мальчика „вертушку“, отецъ ее ломаетъ и кусочки бросаетъ подъ прилавокъ.

Такія сцены повторялись не разъ. Зато въ праздники, когда на базарѣ не было торговли, Ванѣ никто уже не препятствовалъ заниматься своими „игрушками“. Особенно дороги были ему праздники весной и лѣтомъ, когда можно было весь день проводить на вольномъ воздухѣ.

Едва лишь повѣяло опять весеннимъ тепломъ, и отъ тающаго снѣга по отлогому скату къ Волгѣ побѣжали ручейки, какъ Ваня соединилъ ихъ запрудами въ одинъ ручей, а надъ ручьемъ установилъ самодѣльную водяную мельницу о двухъ поставкахъ и съ жерновами, ни дать, ни взять, какъ

на настоящихъ большихъ мельницахъ, только что зерна у него не молотись.

Быль въ саду и прудъ, гдѣ водилась рыба. Но въ іюльскіе жары прудъ начиналъ высыхать, стоячая вода въ немъ плѣсневіла, и рыба засыпала, заражая зловоніемъ окружающій воздухъ. Вышелъ праздничнымъ днемъ отецъ Кулибинъ съ благовѣрной своей погулять у пруда, свѣжимъ воздухомъ подышать, — рукой носъ зажалъ.

— Фу ты, вотъ те и прудъ! Думалъ: своей рыбой въ успенскомъ посту лакомиться будемъ. Анъ, замѣсто того, отъ нея же еще подохнемъ!

Въ отвѣтъ откуда-то сверху донесся звонкій откликъ:

— Не бойсь, батюшка, не подохнемъ; рыбы въ пруду у насъ будетъ вдоволь и въ постъ, и въ мясоѣдъ.

Воззрился кверху отецъ; а тамъ на откосѣ сидитъ на корточкахъ Ваня, ковыряетъ въ землѣ.

— Да какъ ты, глупый мальченка, съ родителемъ такъ разговаривать смѣешь! — крикнулъ отецъ.

— Я же, батюшка, не зря говорю: тутъ на откосѣ бьетъ родниковый ключъ...

— Ну?

— Вотъ чистую-то ключевую воду я и провожу отсюда въ нашъ прудъ.

— Городи безлѣпицу! Прудъ-то не проточный.

— А онъ станетъ проточнымъ: по ту сторону пруда у меня будетъ шлюзъ.

— Какой такой шлюзъ?

— А водоспускъ, плотина съ запорными во-

ротами. Я про это изъ печатной книжки вычиталъ. Дай только сроку; самъ увидишь, какъ хорошо выйдетъ.

— Да что жъ, пускай его попытается, — вполголоса вступилась за сына мать. — Можетъ, у него и вправду выйдетъ по печатному.

— Ладно, погодимъ, — нехотя сдался мужъ.

А у маленькаго механика и то вѣдь все вышло какъ по печатному. Вокругъ горнаго ключа онъ вырылъ водоемъ; изъ водоема вплоть до пруда въ саду прорылъ канавку, а на противоположномъ концѣ пруда соорудилъ плотину со шлюзомъ, сквозь который застоявшуюся въ прудѣ воду можно было спускать въ Волгу. Не прошло и недѣли времени, какъ прудъ сталъ неузнаваемъ: отъ проточной ключевой воды поверхность его сдѣлалась зеркальной, и надъ этимъ зеркаломъ въ разныхъ мѣстахъ рѣзво запрыгали рыбки.

— Смотри, какъ взыгрались! — удивлялся отецъ Кулибинъ. — Дышать имъ, знать, тоже легче стало.

Ванѣ же и такая косвенная похвала была уже достаточной наградой. Усерднѣе еще прежняго сталъ онъ перечитывать свою печатную книжку: „Краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ“, въ переводѣ Ададунова, которую у кого-то раздобылъ случайно. Кое-что въ ней, правда, оставалось для него не совсѣмъ понятнымъ, такъ какъ въ математическихъ выкладкахъ онъ былъ малосвѣдущъ; но своимъ чуткимъ отъ природы умомъ онъ по большей части совершенно вѣрно схватывалъ практическую основу каждой машины.

Удалось ему достать и „Прибавленіе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“, гдѣ печатались извлеченія изъ ученыхъ трудовъ академиковъ. Академики были почти все вызванные изъ-за границы нѣмцы. Но особенное благоговѣніе внушали Ванѣ не они, а молодой русскій ученый, Ломоносовъ, который, будучи сыномъ простаго рыбака, сталъ академикомъ и, рядомъ съ учеными статьями о разныхъ явленіяхъ природы, сочинялъ еще такіе прекрасные (по тому времени) стихи. Обладая и музыкальнымъ слухомъ, Ваня заучивалъ наизусть эти стихи и распѣвалъ ихъ, аккомпанируя себѣ на гусяхъ, а потомъ началъ и самъ складывать „вирши“.

Эта новая его затѣя вызвала опять не малое неудовольствіе отца; онъ ворчалъ-ворчалъ, но въ концѣ концовъ махнулъ рукой.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Колоколенные часы „съ курантами“.—Первые само-
дѣльные часы. — У часовыхъ дѣлъ мастера въ Мо-
сквѣ.—Деревянные часы съ кукушкой и металличе-
скіе часы.—Постоянный заработокъ.

На одной изъ нижегородскихъ колоколенъ,
а именно Строгоновской церкви, имѣ-
лись часы „съ курантами“. Еще малень-
кимъ мальчикомъ нашъ будущій меха-
никъ нерѣдко влѣзалъ туда, чтобы слу-
шать „игру“ курантовъ и наблюдать за движеніемъ
часовыхъ стрѣлокъ. Пытливый умъ его искалъ
объясненія загадочныхъ явленій: какъ происхо-
дитъ сама собой эта музыка? Отчего одна стрѣлка
движется скорѣе другой? И нѣтъ ли какой связи
между стрѣлками и музыкой, которая играетъ
всегда въ опредѣленные часы?

Старикъ-пономарь, къ которому онъ обращался
со своими разспросами, не умѣлъ удовлетворить его
любопытности и отдѣлывался однимъ отвѣтомъ:

— Это, милюга мой, нѣмецкая работа; а нѣмецъ, извѣстно, и обезьяну выдумалъ.

Въ родительскомъ домѣ Вани не водилось никакихъ часовъ, ни стѣнныхъ, ни карманныхъ. Ознакомиться ближе съ устройствомъ часового механизма довелось ему впервые уже семнадцати лѣтъ. Зайдя какъ-то къ одному сосѣду (будущему своему свекру), онъ увидѣлъ у него стѣнные часы. Часы были самые простые, деревянные, съ большими дубовыми колесами. Онъ сталъ ихъ внимательно разглядывать.

— Чего ты тамъ не видалъ?—спросилъ его хозяинъ часовъ.

— Да вотъ, хотѣлось бы нутро ихъ вызнать, какъ они сдѣланы.

— Эвона! Самъ, поди, безъ году недѣля изъ яйца вылупился, а туда же. Не нашего, братъ, это ума дѣло.

— Въ механикѣ я кое-что да смыслю. Кабы мнѣ можно было только ихъ совсѣмъ разобрать, такъ я живой рукой смастерилъ бы такой же ходовой ярусъ.

— Ишь, чтò надумалъ! Да ты мнѣ ихъ, того гляди, попортишь?

— Ни, Боже мой! Но работать мнѣ у себя на дому куда способнѣе...

— Ну, ладно, тащи ихъ къ себѣ. Только чуръ, братецъ: какъ вернешь назадъ, чтобы все было въ томъ же видѣ; слышишь?

Перетащилъ Ваня часы къ себѣ, разобралъ по частямъ, досталъ сухого дубоваго дерева, воору-

жился острымъ ножомъ и принялся вырѣзывать такія же, какъ въ часахъ, зубчатые колеса. Но инструментъ былъ слишкомъ грубъ, да и рука рѣзчика недостаточно еще навычна: зубцы выходили далеко не ровными. Когда всѣ колеса были изготовлены, и самодѣльные часы собраны, вдохнуть въ нихъ жизнь Ванѣ такъ и не удалось; не хотѣли они у него идти, да и все тутъ! Первый блинъ вышелъ комомъ.

Но такая неудача не обезкуражила предприимчиваго юноши.

„Попастъ бы только въ Москву!—мечталъ онъ: — тамъ есть часовщики, а этакій часовщикъ сразу надоумить, въ чемъ изъянъ“.

Мечта его сбылась очень скоро.

Отцу Кулибину, какъ торговцу-хозяину, приходилось нерѣдко бывать въ мѣстной ратушѣ. Однажды, возвратясь оттуда, онъ кликнулъ сына.

— Ну-ка, Ваня, собирайся въ путь-дорогу.

— Куда, батюшка?

— Въ Бѣлокаменную.

Ваня подпрыгнулъ даже отъ радости.

— Въ Москву! А когда мы ѣдемъ?

— Поѣдешь-то ты одинъ. Самому мнѣ изъ лавки никакъ отлучиться невозможно.

Лицо сына вытянулось.

— Да ты, батюшка, опять смѣешься надо мной?

— Зачѣмъ! Завелось у нашей ратуши, видишь ли, тяжebное дѣло въ Москвѣ. Ну, и порѣшили спосылать туда надежнаго человѣка. Смышленныхъ людей межъ насъ, торговцевъ, хоть отбавляй, да

наукой не умудрилъ Господь. А человекъ тутъ безпремѣнно долженъ быть грамотный. Вотъ я и предложилъ имъ тебя: малый-де и честный, и не глупый, и въ грамотѣ крѣпокъ; положиться на него-де можно, какъ на каменную гору.

— На кого и полагаться, какъ не на нашего Ваню!—вмѣшалась мать, любовно поглядывая на своего первенца.—А самъ ты, Ванюша, при семь случаѣ и московскимъ святымъ угодникамъ помолитесь, и на всѣ-то тамошнія диковинки насмотришься: на царь-колоколъ, царь-пушку...

„Да и на часы всякаго рода!“ хотѣлъ было добавить отъ себя Ваня, но во-время спохватился: какъ бы отецъ на часы запрета не наложилъ.

И вотъ онъ въ Москвѣ. Тяжебныя дѣла, какъ извѣстно, никогда скоро не рѣшаются; а въ тѣ времена такъ-называемая „волокита“ (проволочка) была еще однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашихъ судовъ. Наведя, гдѣ слѣдовало, справки по тяжбѣ нижегородской ратуши, Ваня долженъ былъ терпѣливо ожидать опредѣленнаго отвѣта; въ ожиданіи же, онъ имѣлъ полный досугъ и святымъ угодникамъ помолиться, и всякія диковины осмотрѣть. Но изъ всѣхъ диковинъ болѣе другихъ привлекала его мастерская одного часового мастера, сидѣвшаго съ лупой въ глазу у окошка за своей работой.

„Подглядѣть бы, какъ онъ тамъ работаетъ... Но что я ему скажу?—колебался еще Ваня.—Вѣдь купить у него часы, я не куплю... Ну, да была не была!“

При входѣ его въ мастерскую, наклонившійся надъ столомъ часовщикъ поднялъ голову и вынулъ изъ глаза лупу. Видъ у вошедшаго юноши былъ такой скромный, что хозяинъ не счелъ нужнымъ даже привстать, а спросилъ только, что ему нужно.

Путаясь въ словахъ, Ваня сталъ объяснять, что пріѣхалъ онъ-де по одному дѣлу изъ Нижняго, да нѣтъ у нихъ тамъ ни одного часовщика, а самъ онъ хоть и ладилъ дѣлать тоже часы, да толку не выходитъ.

— Такъ что же, любезный,—прервалъ его часовщикъ,—въ ученье ко мнѣ, что ли, поступить хочешь?

— Не то чтобы... Платить за ученье денегъ у меня нѣту... А вотъ кабы была такая твоя милость, чтобы мнѣ осмотрѣться тутъ у тебя, премного былъ бы тебѣ благодаренъ.

Видитъ хозяинъ: одѣтъ молодчикъ хоть и просто, да чисто, и лицо у него открытое, простодушное.

— Постоянное-то жительство твое, говоришь ты, въ Нижнемъ Новгородѣ?

— Въ Нижнемъ.

— Стало-быть, убытку мнѣ отъ тебя здѣсь никакого не будетъ? Ну, что жъ, была бы охота поучиться; смотри себѣ, сколько хочешь; запрета тебѣ отъ меня нѣтъ.

И сталъ Ваня во всѣ глаза разглядывать развѣшанные кругомъ по стѣнамъ всевозможные часы, сталъ присматриваться и къ работѣ хозяина, ко-

торый чистилъ разобранные имъ старые часы, а потомъ, при Ванѣ же, ихъ опять собралъ.

— Ну, что, понялъ?—спросилъ его съ усмѣшкой часовщикъ.

— Кажись, что понялъ. А вотъ какъ дѣлать-то эти самые валики, колесики...

— И это, пожалуй, покажу. Заходи опять какъ-нибудь.

Сталъ заходить къ нему Ваня не разъ и не два; а часовщику и любо: то на токарномъ станкѣ, то на рѣзальной колесной машинѣ изготовляетъ при немъ всѣ отдѣльныя части часового механизма.

Тѣмъ временемъ хлопоты Вани по тяжбѣ нижегородской ратуши увѣнчались успѣхомъ; можно было ѣхать опять и во-свояси.

— А я пришелъ къ тебѣ проститься, — объявилъ онъ своему наставнику, часовому мастеру. — Спасибо за науку. Не знаю только, какъ ее использовать: въ Нижнемъ у меня нѣтъ ни рѣзальной машины, ни токарнаго станка.

— А завести ихъ себѣ нѣту денегъ?

— Осталось ихъ у меня только самая малость... (Онъ назвалъ сумму).

— Ну, это что же! Хорошихъ новыхъ снарядовъ на это не купишь.

— Да мнѣ хоть бы старенькихъ, испорченныхъ: я самъ бы ихъ и починилъ.

— Коли такъ, то изволь, могу тебѣ услужить.

И мастеръ вытащилъ изъ чуланчика запыленные рѣзальную машину и лучковый токарный станокъ. Осмотрѣлъ ихъ Ваня: машина оказалась, въ

самомъ дѣлѣ, безъ нѣсколькихъ винтовъ, а станокъ—старого устройства. Сказалъ онъ объ этомъ хозяину.

— Да нешто я ими хвалился?—быль отвѣтъ.— Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

— А что взялъ бы ты за нихъ?

— Что съ тебя взять? Больше того, что у тебя есть, не возьму. Назначь самъ цѣну.

И торгъ у нихъ состоялся. Чрезвычайно довольный своей покупкой, Ваня укатилъ обратно въ Нижній. Здѣсь рѣзальная машина была въ скоромъ времени починена и пущена въ ходъ; завертѣлся и токарный станокъ.

На этотъ разъ сказала уже прирожденная переимчивость механика: деревянные валики и колесики вышли совсѣмъ одинаковые, какъ на заказъ. Но оставалось изготовить и футляръ для часовъ, циферблатъ, стрѣлки, гирьки, мѣдную дощечку и молоточекъ для боя, а потомъ все это собрать еще, приладить. Не одинъ только отецъ,—и мать механика-самоучки относилась къ такой замысловатой работѣ съ нѣкоторымъ недоувѣремъ. Но вотъ работа пришла къ концу; маятникъ весело защелкалъ направо и налево, а часы звонко забили. Недовѣріе родителей было побѣждено, а маленькіе сестренка и братишка Вани не могли просто наглядѣться на движеніе маятника, послушаться часового боя.

— Это что!—говорилъ имъ Ваня.—Вотъ какъ закукуетъ еще кукушка...

— Какая кукушка? Ты купишь ее на базарѣ?

— Не куплю, а сдѣлаю тоже самъ.

— И она будетъ куковать?

— Будетъ, какъ настоящая кукушка.

— Вотъ такъ чудо!

Когда же тутъ черезъ нѣсколько дней, при боѣ часовъ, надъ циферблатомъ раскрылась дверца, и оттуда, дѣйствительно, выскочила крошечная кукушка и, кланяясь, закуковала,—дѣти запрыгали отъ восторга. Послѣ этого чуть ли не всякій разъ, бывало, какъ только раздастся по дому бой часовъ и кукованье, они опрометью бѣгутъ уже къ часамъ и, смѣясь, кланяются сами въ отвѣтъ кукушкѣ:

— Ку-ку! ку-ку!

То-то было горе, когда къ кукушкѣ нашелся и посторонній любитель, который унесъ ее вмѣстѣ съ часами. Самому Ванѣ было не менѣ жаль расстаться съ своимъ первымъ удачнымъ издѣліемъ. Но ему нужны были деньги для дальнѣйшаго совершенствованія въ своемъ дѣлѣ. У мѣстныхъ „вальящиковъ“ (литейщиковъ) и кузнецовъ онъ заказалъ изъ мѣди и желѣза круги, цилиндры и колеса по сдѣланнымъ самимъ имъ деревяннымъ образцамъ, и вскорѣ смастерилъ болѣе прочные стѣнные часы съ металлическимъ механизмомъ. Этимъ точно такъ же не пришлось долго ожидать покупателя. Вырученныя деньги пошли опять-таки на матеріалы и инструменты, но нѣсколько рублей было истрачено и на покупку испорченныхъ карманныхъ часовъ.

— Ну, эта-то дрянь тебѣ на что?—заворчалъ отецъ.—Охота бросать деньги за окошко!

— Деньги, батюшка, не брошенные,— успокоилъ его сынъ.— Починю часы, такъ цѣна имъ будетъ уже не та, а самому мнѣ наука впрокъ пойдетъ.

И точно: разобравъ часы по частямъ и снова собравъ, онъ настолько изучилъ ихъ внутреннее устройство, что былъ уже въ состояніи приводить въ порядокъ всякіе часы: стѣнные и столовые „съ курантами“, карманные простые и „репетичные“. А такъ какъ въ Нижнемъ-Новгородѣ не было тогда еще ни одного часового мастера, то слухъ о новоявленномъ мастерѣ быстро разнесся по всему городу, и никто уже съ тѣхъ поръ не отсылалъ своихъ испорченныхъ часовъ на починку въ Москву, а всѣ несли ихъ къ Ванѣ Кулибину.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Женитьба и свой домъ.—Губернаторскіе часы и именитые заказчики.—Царицыны часы и уговоръ съ купцомъ Костроминымъ.

Когда сыну минуло двадцать четыре года, старикъ Кулибинъ, по обычаю того времени, подыскалъ ему невѣсту. Молодые остались жить у стариковъ и зажили по-своему счастливо. Затѣмъ пошли и дѣтки. Съ кончиною обоихъ родителей Ивана Петровича (какъ величали теперь Ваню), на попеченіи его, какъ главы дома, оказались, кромѣ жены и собственныхъ дѣтей, еще малолѣтніе сестра да братъ. Къ отцовской мучной торговлѣ онъ и раньше не питалъ склонности, а потому продолжать ее не имѣлъ уже никакой охоты. По ликвидаціи дѣла у него получилось чистыми деньгами семьсотъ рублей ассигнаціями,—въ его глазахъ цѣлый капиталъ. А такъ какъ отъ родителей онъ

унаслѣдовалъ еще и ихъ небольшой деревянный домикъ, то о кровѣ для своей семьи ему заботиться также было нечего. Такимъ образомъ онъ съ легкимъ сердцемъ отдался весь разработкѣ роившихся въ головѣ у него новыхъ плановъ, пренебрегая даже заказами. Между тѣмъ на его бесплодныя пока начинанія приходилось безпрестанно пріобрѣтать разные матеріалы; капиталъ, представлявшійся ему вначалѣ неисчерпаемымъ, таялъ да таялъ, и въ дверь къ нему застучалась уже нужда.

Тутъ неожиданнымъ избавителемъ явился къ нему камердинеръ нижегородскаго губернатора Аршеневскаго:

— А я вѣдь къ тебѣ, Иванъ Петровичъ, съ доукою. Будь другъ, помоги!

— Радъ услужить доброму человѣку. Въ чемъ дѣло-то?

— Дѣло вотъ въ чемъ. Генераль мой, изволишь видѣть, привезъ себѣ изъ Москвы аглицкіе столовые часы, въ кабинетъ свой поставилъ,— краса одна, заглядѣнье! Да заводить-то ихъ на бѣду мнѣ, грѣшному, поручилъ. Не такъ я ихъ заводилъ, что ли, кто иной ли ихъ потревожилъ,— Богъ ихъ вѣдаетъ, только перестали они ходить, да и все тутъ. Осерчалъ мой генераль, распушилъ меня, а потомъ, дѣлать нечего, отослалъ ихъ для починки въ Москву. Починили часы, выслали къ намъ обратно. Ходятъ они опять день-два словно бы исправно, а тамъ, на третій день подхожу, хочу завести, они опять уже стоятъ. Вотъ оказія! Иду я къ генералу.

„—Такъ и такъ,—говорю,—ваше превосходительство; я нынче ихъ еще и пальцемъ не тронулъ, а они стоятъ.

„—Такъ чего же ты, дуралей, ихъ не заведешь?—говорить.

„— Не смѣю, ваше превосходительство: остановились они, должно, еще съ вечера. Неравно не такъ заведу...

„— Ахъ ты, такой-сякой! Смотри: вотъ какъ это дѣлается.

„Взялъ это онъ ключикъ заводной, сталъ самъ заводить, да съ азарту, зная, перехитрилъ: пружинка и „дзинь!“

„Ага!—думаю—говорилъ вѣдь я...“ А онъ совсѣмъ изъ себя вышелъ.

„— Убери ихъ вонъ!

„— Куда,—говорю,—ваше превосходительство? Въ кладовую аль на чердакъ-съ?

„— Куда хочешь,—говорить,—только съ глазъ моихъ долой!

„Убралъ я ихъ, а самъ-то про себя смекаю: „Дай-ка, схожу я къ Ивану Петровичу. Человѣкъ онъ умѣлый, часовую науку до тонкости произошелъ“. Такъ вотъ я съ чѣмъ къ тебѣ, голубчикъ Иванъ Петровичъ“.

— Починить тебѣ, значить, генеральскіе часы?—сказалъ Иванъ Петровичъ.—Что жъ, носи ихъ сюда; посмотримъ, такъ ли ужъ бѣда велика.

Принесъ камердинеръ генеральскіе часы; осмотрѣлъ ихъ Кулибинъ.

— Дѣло, кажись, поправимое.

Черезъ нѣсколько дней часы красовались снова въ кабинетъ губернатора; а вслѣдъ затѣмъ камердинеръ прибѣжалъ впопыхахъ и за самимъ Кулибинымъ.

— Ну, Иванъ Петровичъ, пожалуй-ка со мною. Генераль мой тебя къ себѣ требуетъ; хочетъ поглядѣть на тебя, поразспросить: какъ да что.

— Такъ онъ доволенъ моей работой?

— Такъ доволенъ, что лучше не надо. Поставилъ я ему часы на прежнее мѣсто, а онъ, какъ вошелъ въ кабинетъ, такъ ихъ сразу и замѣтилъ.

„— Это,—говорить,—что такое?”

„— Часы,—говорю,—ваше превосходительство.

„— Болванъ! Вижу, что часы. Да сказано вѣдь тебѣ, чтобы ихъ тутъ не было.

„— Но коли они опять ходятъ.

„— Ходятъ?”

„Подошелъ, послушалъ, головой помоталъ.

„— Гмъ! да какъ же это такъ?”

„— А такъ-съ,—говорю,—есть у насъ здѣсь въ Нижнемъ часовщикъ - самоучка Кулибинъ, что и московскихъ всѣхъ мастеровъ за поясъ заткнетъ. Снесъ я ихъ къ этому искуснику...

„— Позови-ка его ко мнѣ.

„Ну, я, знамо, бѣгомъ за тобой. Обряжайся же поскорѣе“.

Принялъ губернаторъ Кулибина такъ привѣтливо, что тотъ, не растерявшись, отвѣчалъ на его разспросы ясно и толково. Особенно понравились Аршеневскому въ молодомъ механикѣ его простота и скромность. Щедро заплативъ ему за

его трудъ, онъ обѣщаль рекомендовать его и другимъ.

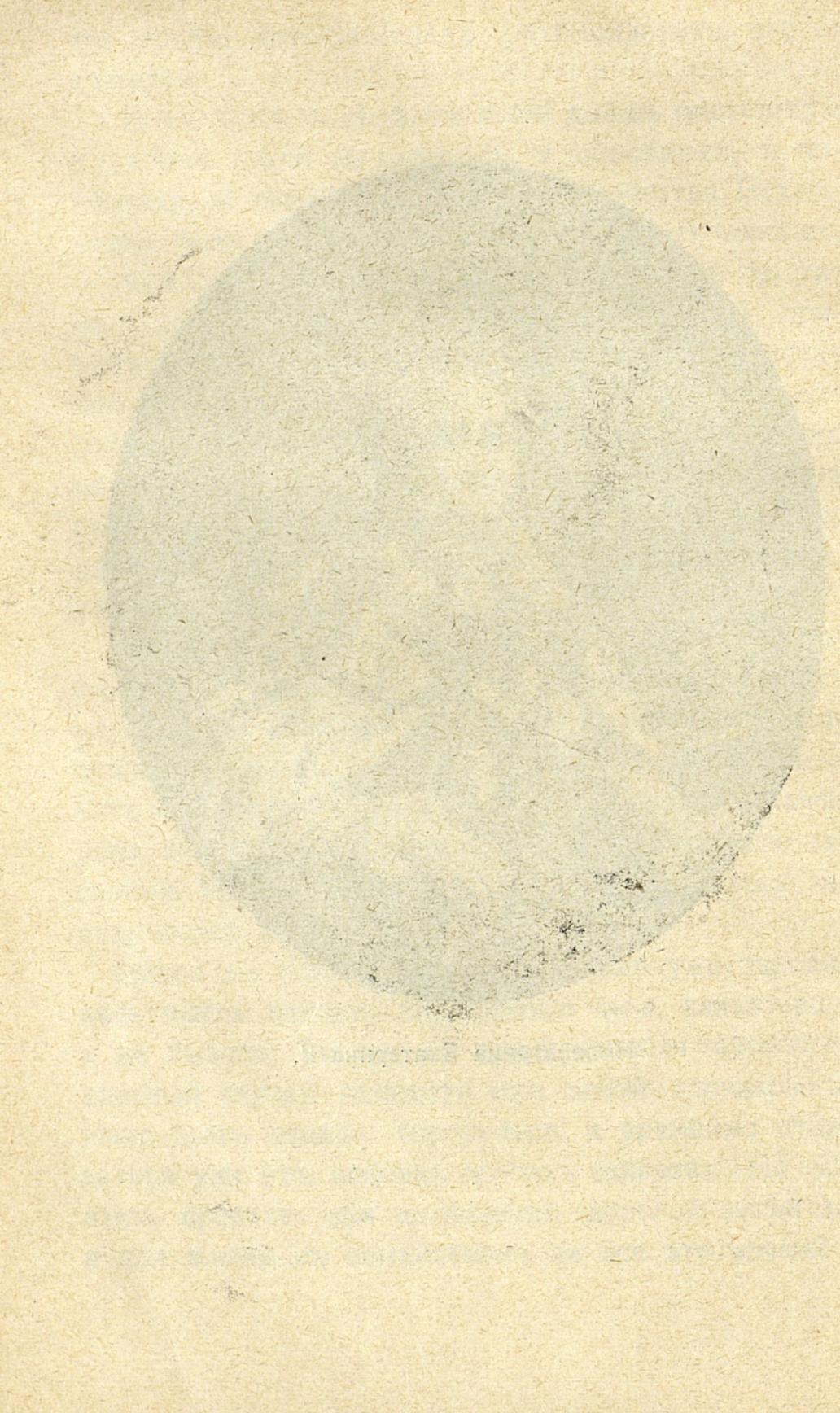
И въ самомъ дѣлѣ, съ этого дня въ мастерскую Кулибина стали заглядывать и чиновники, и помощники, и тузы изъ мѣстнаго купечества. Всѣмъ, видно, было любопытно взглянуть на человека-самоучку, дошедшаго собственнымъ умомъ до такого совершенства въ часовомъ мастерствѣ, причемъ каждый, конечно, либо отдавалъ ему въ чистку или починку свои часы, либо покупалъ у него новые собственнаго его издѣлья. Отъ заказчиковъ у него наконецъ не стало отбою, такъ что онъ долженъ былъ взять себѣ ученика, нѣкоего Пятерикова, изъ котораго потомъ, подъ его руководствомъ, вышелъ также очень дѣльный часовой мастеръ.

Въ 1762 году на русскій престолъ взошла Екатерина II. Первыя же начинанія ея славнаго царствованія возбудили во всей Россіи самыя радужныя надежды. Когда тутъ въ 1764 году до Нижняго донесся слухъ, что молодая монархиня намѣрена совершить путешествіе по Поволжью, все населеніе Нижняго встрепенулось, заволновалось; заволновался и Кулибинъ.

Дѣло въ томъ, что у него давно уже зародилась мысль сдѣлать диковинные часы, какихъ еще и не бывало. Теперь же представлялся такой прекрасный случай поднести ихъ самой государынѣ. Надо было, однако, торопиться и временно отказаться уже отъ всякихъ другихъ заказовъ. Но гдѣ взять средства для выполненія дорогой затѣи да и для жизни съ семействомъ за все это время?

Императрица Екатерина II.

И онъ рѣшился обратиться къ одному изъ своихъ постоянныхъ заказчиковъ, зажиточному черныярскому купцу Костромину, относившемуся къ нему всегда очень дружелюбно.

— Что новенькаго, Иванъ Петровичъ?—спросилъ входящаго молодого гостя Костроминъ.—По лицу твоему уже вижу, что пришелъ ты ко мнѣ не спроста.

— Не спроста, Михайло Андреичъ,—отвѣчалъ Кулибинъ.—Есть у меня до тебя одно дѣльце, да такое, что и тебѣ, я чаю, полюбится. Возьми терпѣнія, выслушай.

— Ну, что же, братецъ, выкладывай.

Сталъ ему тутъ Иванъ Петровичъ „выкладывать“.

— Такъ, такъ...—поддакивалъ Костроминъ.—Часики выйдутъ на диво; но мнѣ-то носить такие словно бы и не пристало.

— Да я и не прочу ихъ для тебя. Дума у меня заносится куда выше.

— О! Стало, для губернатора?

— И того выше.

— Куда жъ еще выше!

— Да вѣдь и тебѣ вѣдомо, Михайло Андреичъ, что царица наша въ гости къ намъ сюда, въ Нижній, изъ Питера собирается?

Глаза смѣтливаго черныярца отъ радости такъ и заискрились.

— И ты хочешь поднести тѣ часики самой царицѣ?

— Да кто жъ иной носить ихъ былъ бы достоинъ?

— Правильно. Змѣй - искуситель ты, Иванъ Петровичъ, ей-Богу! Зналъ вѣдь, на чемъ меня поддѣть. И все то, что расписалъ ты сейчасъ на словахъ, изображено у тебя и на бумагѣ?

— А то какъ же.

Когда тутъ Кулибинъ показалъ ему свой рисунокъ, Костроминъ со всего маху хлопнулъ его по плечу.

— Молодчина же ты, Иванъ Петровичъ! Кабы все вышло по твоему, было бы безмѣрно хорошо. А во что, скажи, сія штука обойдется?

Высчиталъ ему Иванъ Петровичъ приблизительно предстоящіе расходы; но довольно крупная сумма не испугала намѣченнаго имъ себѣ компаньона-капиталиста.

— Будемъ говорить душевно, милый человекъ,—сказалъ онъ.— Мнѣ на достатки свои жаловаться—Бога гнѣвить. За деньгами дѣло у насъ не станетъ. Живемъ мы, торговые люди, не изъ корысти одной. Но бросать деньги на вѣтеръ намъ тоже не приходится. Перебирайся-ка ко мнѣ въ Подновье, а заказовъ не изволь уже принимать, ни-ни! Этакъ-то поваднѣе будетъ.

— Да заказы у меня, Михайло Андреичъ, исполнять будетъ ученикъ мой Пятериковъ.

— Нѣтъ, другъ любезный, зубовъ ты мнѣ не заговаривай. Пятериковъ твой пушай и работаетъ въ Нижнемъ за свой счетъ. Не то душа твоя будетъ и тамъ, и здѣсь; а душу свою ты мнѣ какъ бы кабальной записью уже запродашь. Понялъ?

— Понялъ... А какъ же насчетъ моего семейства?

— Ну, семейству твоему, въ уваженіе доброй пріязни, умереть съ голоду мы, знамо, тоже не дадимъ. Возьмешь ты своихъ съ собой въ Подновье, а жить они тамъ будутъ на моемъ же коштѣ.

— Но потомъ-то, Михайло Андреичъ, какъ мы съ тобой разсчитаемся?

— А вотъ какъ: подойдетъ время подносить часы государынѣ, такъ поднесемъ мы ихъ съ тобою купно.

— И только-то?

— И только. На томъ всѣ счеты наши съ тобою покончены. По рукамъ, что ли?

Не задумываясь, ударилъ Кулибинъ по подставленной ему ладони, а спустя дня два (въ октябрѣ 1764 г.) перебрался со своей семьей и на жительство къ своему „товарищу“ въ подгородное сельцо Подновье.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Электрическая машина, микроскопъ, телескопъ и зрительныя трубы.—Сановный покровитель—графъ Григорій Орловъ.—Осмотръ диковинныхъ часовъ императрицею Екатериною II.

Врожденный талантъ и фантазія изобрѣтателя нашли себѣ наконецъ опредѣленную, благодарную цѣль, и за выполненіе поставленной себѣ задачи Кулибинъ принялся съ небывалымъ еще одушевленіемъ. Работа по своей тонкости требовала не только необычайной аккуратности, но и спеціально приспособленныхъ инструментовъ. Такихъ инструментовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, да по всему вѣроятію и вообще въ Россіи, достать не было возможности, и Иванъ Петровичъ долженъ былъ ихъ придумывать и изготовлять самъ. Сколько разъ приходилось ему ихъ передѣлывать, пока они не оказались вполнѣ пригодными для его цѣли. Мерещились они ему даже ночью, и не разъ онъ вскаки-

валъ съ постели, чтобы записать придуманное имъ въ полуснѣ.

Возвѣщенная уже поѣздка императрицы по Поволжью почему-то, однако, была отложена, и Костроминъ сокрушался чуть ли не болѣе самого Кулибина, что поднесеніе царицѣ диковинныхъ часовъ, пожалуй, такъ и не состоится. Тутъ для отзывчиваго на всякую научную новинку механика явилось новое искушеніе въ электрической машинѣ, которую одинъ изъ его нижегородскихъ знакомыхъ, большой любитель физики, выписалъ себѣ изъ Петербурга. Когда Кулибинъ заявилъ своему патрону, что хотѣлъ бы сдѣлать совсѣмъ такую же машину, тотъ не сейчасъ поддался.

— Не дѣло говоришь ты, милый. Чтò толку намъ въ этой машинѣ?

— Какъ чтò толку!—загорячился Иванъ Петровичъ и разъяснилъ не посвященному въ физику коммерсанту, насколько самъ умѣлъ, значеніе электрической машины для науки.

— Такъ-то такъ, да намъ-то съ тобой какая отъ того польза?— упирался Костроминъ.

— Польза научная...

— Э, милый! Наука—дѣло заморское...

— А мы, русскіе люди, не смѣй, что ли, пошевелить и мозгами? Нѣтъ, Михайло Андреичъ. Пускай видятъ иноземцы, что и мы не совсѣмъ-то обижены Богомъ, умѣемъ потрудиться для науки.

— Гмъ... А съ часами-то какъ же?

— Съ часами работы уже немного: кое-что додѣлать...

— Такъ ли, полно? Борони Боже, не поспѣешь! Великій бы намъ стыдъ отъ того и зазоръ учинился.

— Да куда намъ теперь съ ними торопиться?—не унимался Кулибинъ. — А электрическая машина мнѣ просто покою не даетъ. И тебѣ, Михайло Андреичъ, вѣдь тоже въ немалую честь зачтутъ.

Послѣдній аргументъ сломилъ наконецъ упорство практическаго черноморца.

— Эхъ-ма! Больно ты мнѣ, Иванъ Петровичъ, ужъ полюбился своей ретивостью. Да и ручки у тебя золотыя. Такъ и быть, дѣлай свою машину, да только живо у меня, живо!

Принялся Иванъ Петровичъ „золотыми ручками“ за свою электрическую машину, самъ отлилъ для нея и отшлифовалъ большой стеклянный кругъ, самъ смастерилъ и всѣ остальные части прибора. Когда онъ затѣмъ готовую уже машину предъявилъ владѣльцу „заморской“ машины, служившей ему моделью, тотъ отъ удивленія руками развелъ и удостовѣрилъ, что она ни въ чемъ, пожалуй, не уступаетъ модели.

— Знай нашихъ!—выразилъ и съ своей стороны полное удовольствіе Костроминъ.—Ну, что же, Иванъ Петровичъ, Господь съ тобою, потѣшайся: буде еще что научное тебѣ подвернется, препятствовать тебѣ уже не стану.

А нѣчто научное, въ самомъ дѣлѣ, опять подвернулось: тотъ же любитель физики привезъ себѣ изъ Москвы микроскопъ и англійскій теле-

скопъ съ металлическими зеркалами. Въ теоріи Кулибинъ былъ уже знакомъ съ устройствомъ этихъ приборовъ; теперь же, при видѣ ихъ воочию, его снова забила творческая лихорадка. Съ согласія физика, онъ взялъ ихъ къ себѣ въ Подновье, а кстати и имѣвшуюся у того уже раньше трехъ-аршинную зрительную трубу. Позвавъ Костромина, онъ усадилъ его за микроскопъ.

— Чудеса, чудеса! — повторялъ Костроминъ, когда крошечныя насѣкомыя и мельчайшія части растеній являлись здѣсь его зрѣнію вполнѣ отчетливо въ сильно увеличенномъ видѣ. — Вѣдь вотъ на-ка, поди! Ходимъ мы, темные люди, по землѣ, топчемъ ножищами все, что ни попало, а вѣдь это такія жъ, какъ и мы, созданія Божія, сотворены на диво, комаръ носу не подточить.

— А теперь, Михайло Андреичъ, загляни-ка сюда, — сказалъ Кулибинъ, направившій между тѣмъ зрительную трубу на противоположный берегъ Волги.

Заглянулъ Костроминъ и сначала даже въ толкъ не взялъ.

— Да что же это, картинка, что ли? Дома, деревья, люди...

— Аль не узнаёшь?

— Словно бы знакомое... Постой-ка, постой! да это никакъ тотъ берегъ?

— Узналъ-таки.

— Владычица Небесная! И все-то ты этой самой трубой сюда къ намъ приблизилъ?

— Погоди, ввечеру, какъ взойдетъ луна, на-

ставлю я на нее небесную трубу — телескопъ, — не то еще скажешь: увидишь тамъ, какъ на тарелкѣ, хоть и не дома, деревья да людей, коихъ тамъ и нѣту, а все-же горы и долины.

Костроминъ не могъ придти въ себя отъ изумленія. Пользуясь произведеннымъ эффектомъ, Иванъ Петровичъ напомнилъ своему патрону о недавнемъ обѣщаніи не препятствовать ему дѣлать и всякіе другіе научные приборы.

— Давши слово держись, а не давши крѣпись, — сказалъ Костроминъ. — А ты и вправду берешься сдѣлать совсѣмъ такіе жъ, какъ вотъ эти?

— Попытаюсь по крайней мѣрѣ. Благослови ужъ, Михайло Андреичъ.

— Дай тебѣ Богъ! Благословляю.

И закипѣла новая работа. Какъ и прежде, подъ рукой у Кулибина не было ни необходимыхъ инструментовъ, ни даже подходящихъ матеріаловъ, и онъ испыталъ сперва не мало опять неудачъ. Не разъ онъ готовъ былъ уже отчаяться, но всякій разъ желѣзная энергія брала верхъ, и въ концѣ концовъ онъ достигалъ желаемого. Всего болѣе затрудненій встрѣтилъ онъ при изготовленіи металлическихъ зеркалъ для телескопа, такъ какъ сплавъ ихъ составлялъ еще секретъ одной англійской фирмы. Сплавляя разные металлы въ разныхъ пропорціяхъ, онъ добился-таки наконецъ разгадки секрета.

Такъ были сдѣланы имъ совершенно самостоятельно, безъ чьихъ-либо указаній, первымъ въ

Россіи, микроскопъ, телескопъ и двѣ трехъ-аршинныя зрительныя трубы.

Тутъ, въ началѣ мая 1767 г., въ Нижней до-летѣла вѣсть, что императрица Екатерина Алексѣевна собралась уже въ дорогу и еще 20-го апрѣля пустилась изъ Твери на судахъ внизъ по Вѣлгѣ; а вслѣдъ затѣмъ къ Кулибину въ Подновье прибѣжалъ полицейскій отъ губернатора, съ приказаніемъ, чтобы царицыны часы были готовы никакъ не позже 20-го мая. Вотъ не было печали! Ивана Петровича оторопъ взяла: въ такой короткій срокъ окончательно сдѣлать сложный механизмъ этихъ часовъ, да еще и собрать, было невысказано. Когда же онъ повинился въ томъ Костромину, тотъ схватился за волосы.

— Отцы наши, батюшки! Безъ ножа ты меня, братецъ, зарѣзали!

— У самого у меня руки-ноги трясутся, — признался Кулибинъ. — Да дѣло не такъ уже плохо; я буду работать день и ночь...

— Но часы все равно уже не поспѣютъ?

— На добрый конецъ поспѣютъ: показать государынѣ не стыдно хоть будетъ.

— А поднести ихъ все же еще не придется?

— Мы вышлемъ ихъ потомъ прямо въ Петербургъ.

— Все, братецъ, не то, все не то! Эхъ, Иванъ Петровичъ, Иванъ Петровичъ! упреждалъ вѣдь я тебя... Ну, да повинную голову и мечъ не сѣчетъ. Кабы хошь въ Ярославль да Костромѣ царицу день-другой задержали.

Останавливались царицыны галеры и въ Ярославль, и въ Костромъ, да не надолго; 22-го мая, расцвѣченныя флагами, онѣ подошли къ Нижнему и пристали къ берегу подъ стѣнами кремля. При восторженныхъ кликахъ несмѣтной толпы народа, императрица сошла на берегъ и въ губернаторской коляскѣ прослѣдовала къ дому губернатора, гдѣ были приготовлены покои для нея и всей свиты.

Два дня спустя въ губернаторскую приемную къ назначенному часу входили съ замирающимъ сердцемъ Кулибинъ и Костроминъ. Послѣ томительнаго ожиданія къ нимъ вышелъ молодой, блестящій генералъ - адъютантъ, графъ (впослѣдствіи князь) Григорій Григорьевичъ Орловъ.

— Который же изъ васъ Кулибинъ? Не ты ли?—отнесся онъ къ Ивану Петровичу, который, какъ воинъ на свое оружіе, упирался на свою трехъ-аршинную зрительную трубу.

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Этотъ зрительный инструментъ твоего же, вѣрно, издѣлья?

— Моего-съ, какъ равно и сей телескопъ и микроскопъ.

— Вотъ какъ! Ты мастеръ не на однѣ, я вижу, только дорогія бездѣлушки. Самъ я тоже высоко чту науку, и съ Михайлой Васильевичемъ Ломоносовымъ (царство ему небесное!) мы были добрые пріятели. Бude телескопъ твой окажется изряднымъ, то я возьму его въ Питеръ на мою астро-

номическую обсерваторію ¹⁾. Мы всѣ твои авантажи предъявимъ ей величеству.

— Мнѣ, ваше графское сіятельство, весьма бы

Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ.

желательно тоже узрѣть пресвѣтлыя очи царицы, — заявилъ тутъ, выступая впередъ, Ко-

¹⁾ Обсерваторія графа Г. Г. Орлова была устроена въ петербургскомъ Лѣтнемъ дворцѣ. Постоянно покровительствуя ученымъ, Орловъ и самъ съ любовью занимался физическими опытами и вообще естественными науками. Ломоносовъ, за годъ до своей смерти (въ 1765 г.), въ благодарственномъ посланіи такъ обращается къ Орлову:

„Любитель чистыхъ Музъ, защитникъ ихъ трудовъ...“

строинь.—Всѣ сіи штучки сдѣланы моимъ иждивеніемъ.

— Прехвально; но сегодня государынѣ благоугодно принять одного Кулибина.

И, кивнувъ Ивану Петровичу, чтобы тотъ слѣдовалъ за нимъ, Орловъ двинулся къ двери во внутренніе покои, которую сажанный скороходъ распахнулъ передъ нимъ настезь.

Въ 1767 году Екатеринѣ Великой было 38 лѣтъ; но на видъ ей, благодаря цвѣтущему здоровью, можно было дать не болѣе 30-ти. Когда Кулибинъ увидѣлъ ее теперь передъ собой во всей ея величественной красѣ и царственномъ блескѣ, среди свиты, сверкающей звѣздами и залитыми золотомъ мундирами,—онъ не смутился передъ этими блестящими созвѣздіями, но передъ государыней склонилъ колѣни.

— Встань, встань!—услышалъ онъ надъ собою густой, почти какъ у мужчины, но въ то же время необычайно пріятный голосъ съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ.

Иванъ Петровичъ приподнялся съ полу. Съ своей стороны Орловъ доложилъ государынѣ, что вотъ эта зрительная труба, этотъ телескопъ и этотъ микроскопъ—собственной тоже работы Кулибина, по профессіи часовыхъ дѣлъ мастера.

Съ чарующей привѣтливостью Екатерина предложила Кулибину показать ей всѣ три прибора. Чувствуя себя въ родной стихіи, онъ развернулся и въ теченіе не менѣе получаса занялъ своими объясненіями вниманіе императрицы и ея свиты.

— Онъ желалъ бы презентовать вашему величеству и самодѣльные часы,—напомнилъ тутъ Орловъ.

— Презентовать ихъ нынѣ же я не дерзаю, ибо кое-что въ нихъ еще не додѣлано,—виноватымъ тономъ признался Иванъ Петровичъ, доставая изъ кармана коробку со своими часами.— Не поставь во грѣхъ, государыня-матушка.

Что именно было тогда не додѣлано въ Кулибинскихъ диковинныхъ часахъ,—объ этомъ свѣдѣній нѣтъ. Но въ настоящее время они, совсѣмъ уже оконченные, вмѣстѣ съ подробнымъ ихъ описаніемъ, хранятся въ императорскомъ эрмитажѣ въ Петербургѣ.

Часы имѣютъ видъ золотого яйца, величиною почти съ гусиное, и, будучи заведены, бьютъ каждый полный часъ, каждые полъ-часа и каждую четверть. Отъ 8-ми утра до 4-хъ пополудни, съ боемъ полныхъ часовъ, растворяются створныя дверцы, въ которыя виденъ тогда маленькій чертогъ, а въ глубинѣ его—подобіе гроба Господня. Къ дверямъ гроба приваленъ камень, а по сторонамъ стоятъ два стража-копьеносца. Полминуты спустя появляется ангелъ Божій; по его мановенію, камень отваливается, двери растворяются, и воины падаютъ ницъ. Спустя еще полминуты подходятъ къ гробу двѣ жены-мироносицы (фигуры которыхъ, какъ и ангела, вылиты изъ золота и серебра), и раздается музыка тропаря: „Христось воскресе“, затѣмъ еще второй и третій разъ. Тутъ двери опять затворяются. Съ 5-ти часовъ

вечера и до 7-ми утра повторяется то же самое, но съ другою пѣсней: „Воскресъ Христось изъ гроба“.

Государыня такъ милостиво отозвалась о его музыкѣ, что Кулибинъ не утерпѣлъ тутъ рассказать, что у него готовится еще и третья пѣсня съ его собственными словами.

— Такъ ты и стихи слагаешь? Каково! Ну, мнѣ не къ спѣху!—улыбнулась Екатерина своей обворожительной улыбкой.—Отселѣ мы спустимся еще дальше—на Казань, Симбирскъ, Самару, а назадъ оттолѣ вернемся уже сухимъ путемъ; когда-то доберемся опять до Петербурга.

И она сказала что-то по-французски Орлову, который, поглядывая на Кулибина, отвѣчалъ ей на томъ же языкѣ.

— Вотъ что, Кулибинъ,—отнеслась она къ нашему механику:—Графъ Григорій Григорьичъ находитъ, что ты—настоящій автодидактъ, самоучка Божіей милостью, и что отъ твоихъ трудовъ можно ожидать намъ и впредь не малой пользы.

— Да я, матушка-государыня, радъ хоть сейчасъ на семь самомъ мѣстѣ помереть для тебя!

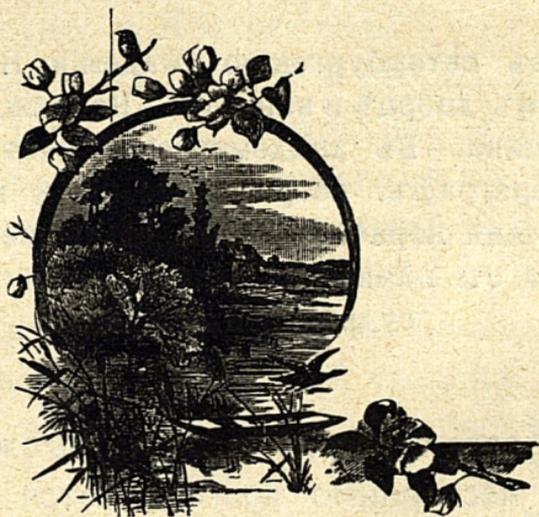
— Зачѣмъ помирать! Жить ты для насъ долженъ. Какъ будутъ твои часы совсѣмъ готовы, такъ просимъ въ гости къ намъ въ Петербургъ.

Какъ ни былъ ошеломленъ отъ радости Иванъ Петровичъ, однакожъ не забылъ испросить разрѣшеніе прибыть въ Петербургъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Костроминымъ.

— Хорошо, пріѣзжайте оба,—согласилась Ека-

терина и протянула ему для прощального поцѣлуя свою пухлую, съ короткими пальцами, руку. — Вотъ графъ Григорій Григорьичъ, главный твой кураторъ, дастъ знать тебѣ сюда, когда пріѣхать.

Надо ли описывать радость Костромина, что ему все-же доведется предстать предъ ясныя очи великой государыни?

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вызовъ въ петербургскую Академію Наукъ.—Приемъ въ Зимнемъ дворцѣ и кантата.—Награжденіе Кулибина и Костромина.—Въ академической мастерской.—Оптический телеграфъ, астрономическіе и математическіе приборы для кораблей.—Оригинальные астрономическіе часы съ вѣчнымъ календаремъ и дальнѣйшая судьба этихъ часовъ.

Когда страстно чего-нибудь ожидаешь, какъ нестерпимо долго тянется время! Царицыны часы давнымъ-давно были уже собраны, была сложена къ нимъ и третья пѣсня, а изъ Петербурга все еще не приходило обѣщаннаго приглашенія.

— Забыли насъ съ тобой, Иванъ Петровичъ, забыли!—плакался Костроминъ.—Матушкѣ-царицѣ за государственными дѣлами, вѣстимо, не до насъ; а тому, графу-то сіятельному, Орлову, грѣхъ, ей-ей, грѣхъ!

Однако, и Орловъ, какъ оказалось, не забылъ про нижегородскаго „автодидакта“. Въ концѣ 1768 г.

Кулибинъ былъ вызванъ въ губернаторскую канцелярію, гдѣ ему предъявили запросъ президента Академіи Наукъ:

„Не желаетъ ли механической художникъ Иванъ Петровичъ Кулибинъ опредѣлиться въ Академію, чтобы усовершенствовать себя еще болѣе?“

Отвѣтъ, разумѣется, былъ утвердительный. Сборы со всей семьей на постоянное жительство за тысячу слишкомъ верстъ взяли не мало времени. Собрался съ Иваномъ Петровичемъ въ Петербургъ, понятно, и Костроминъ.

Приемъ обоихъ въ Зимнемъ дворцѣ состоялся 1-го апрѣля 1769 года. Встрѣтила государыня Кулибина, какъ стараго знакомаго, и съ тою же внимательностью осмотрѣла готовые уже часы. Когда послѣ слышанныхъ уже ею въ Нижнемъ двухъ первыхъ пѣсенъ заиграла новая третья, Кулибинъ развернулъ бумажный свитокъ.

— Это не текстъ ли къ ней?—спросила Екатерина.

— Точно такъ-съ, и моего же сочиненія: кантата на шествіе вашего величества въ низовые города.

— Послушаемъ.

Слегка дрожащимъ голосомъ, но съ чувствомъ Иванъ Петровичъ прочиталъ свою „кантату“. Было въ ней десять куплетовъ, къ которымъ впослѣдствіи онъ прибавилъ еще одиннадцатый. Когда тутъ государыня похвалила его за выраженные въ кантатѣ „добрые сантименты“, Кулибинъ совсѣмъ опять воспрянулъ духомъ и заявилъ, что имъ

написана еще и торжественная ода по тому же случаю.

— А гдѣ же она у тебя?—спросила Екатерина.

— Да я побоялся утрудить вниманіе вашего величества... Но я знаю ее и на память.

— Такъ прочитай намъ ее хотя изъ памяти.

Ода понравилась императрицѣ, казалось, еще болѣе кантаты, и одинъ куплетъ онъ долженъ былъ еще повторить. Вотъ этотъ куплетъ:

„Вы, Волга и Ока широка,
Разлейтесь по всѣмъ странамъ,
Что Матерь россовъ превысока
Явила благости всѣ къ намъ.
О семь, струи, играйте съ нами,
Промчите радость межъ горами,
Въ берега ударьте звучный громъ!
Явите славу всей Россіи,
Спѣшите быстро до Азіи
Вездѣ, какъ орлимы крыломъ!“

— Въ этихъ стихахъ будто слышится снова нашъ умолкшій російскій Пиндаръ ¹⁾—Ломоносовъ,—замѣтила Екатерина.—Но есть пословица: за двумя зайцами погонишься—ни одного не поймашь. Твой заяцъ—механика, и мы съ графомъ Григоріемъ Григорьичемъ не дадимъ ему убѣжать отъ тебя. А твой заяцъ—зерновой хлѣбъ?—обратилась она съ тою же обаятельною улыбкой къ Костромину, стоявшему тутъ же.—Скажи-ка мнѣ...

¹⁾ Пиндаръ—древній греческій поэтъ (522—442 гг. до Р. Хр.).

И она задала ему рядъ вопросовъ о хлѣбной торговлѣ по Волгѣ; послѣ чего отпустила его со словами:

— За поддержку Кулибина и тебѣ тоже наше сугубое спасибо! Завтра вы оба еще услышите про насъ.

На слѣдующее утро оба нижегородца были, дѣйствительно, вызваны къ графу Орлову, который объявилъ имъ монаршую милость: и тому, и другому было пожаловано деньгами по 1000 рублей—сумма, по тогдашнему времени, очень значительная, а Костромину, кромѣ того, серебряная кружка съ золотымъ изображеніемъ государыни; Кулибинъ же причисленъ къ Академіи Наукъ со званіемъ механика для завѣдыванія ея механической мастерской, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ при квартирѣ „натурой“; а сдѣланные имъ часы, электрическую машину, телескопъ и микроскопъ, какъ образцы достопримѣчательнаго самороднаго искусства, повелѣно передать въ устроенную еще Петромъ Великимъ кунсткамеру.

Когда о такой Высочайшей волѣ было опубликовано въ „Академическихъ Вѣдомостяхъ“, весь Петербургъ заговорилъ вдругъ о механикѣ-самоучкѣ, и никогда еще до тѣхъ поръ не было въ кунсткамерѣ такого наплыва любопытныхъ. Въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ“ была напечатана затѣмъ и его ода.

Костроминъ, честолюбіе котораго было теперь вполнѣ удовлетворено, со слезами распростился съ Кулибиными, какъ съ родными, и укатилъ во-свояси

въ свой Нижній; Иванъ же Петровичъ съ удвоеннымъ усердіемъ „погнался за своимъ зайцемъ“ — механикой: приведя академическую мастерскую въ образцовое состояніе. онъ принялся дѣлать для нея новые сложные инструменты, механическіе и оптическіе, — послѣдніе помощью самимъ имъ изобрѣтенной машины, на устройство которой ему особо было отпущено Орловымъ 1000 рублей.

Такъ, въ первые года своего пребыванія въ Петербургѣ, имъ сдѣланы: для Академіи — оптический телеграфъ (электрическіе телеграфы не были тогда еще извѣстны), а для нашихъ кораблей, отправляемыхъ въ кругосвѣтное плаваніе, — всѣ астрономическіе и математическіе приборы для нахождения пути въ морѣ по небеснымъ свѣтиламъ. Въ то же время никогда не дремлющій умъ его изобрѣталъ все новые инструменты. Изъ числа ихъ должны быть здѣсь упомянуты: металлическій термометръ въ видѣ часовъ и астрономическіе часы, показывавшіе не только часы, минуты и секунды, но и мѣсяцы, числа и дни недѣли, а также теченіе солнца и луны, такъ что эти часы могли служить какъ бы вѣчнымъ календаремъ.

Чтоъ сталося съ ними впослѣдствіи — доподлинно неизвѣстно. Есть, однако, основаніе предполагать, что это тѣ самые кулибинскіе часы, любопытная исторія которыхъ рассказана П. Н. Обнинскимъ въ журналѣ „Москвитянинъ“ 1853 г. Графъ Бутурлинъ пріобрѣлъ у Кулибина большіе стѣнные астрономическіе часы за восемнадцать тысячъ рублей ассигнаціями и перевезъ ихъ къ себѣ въ

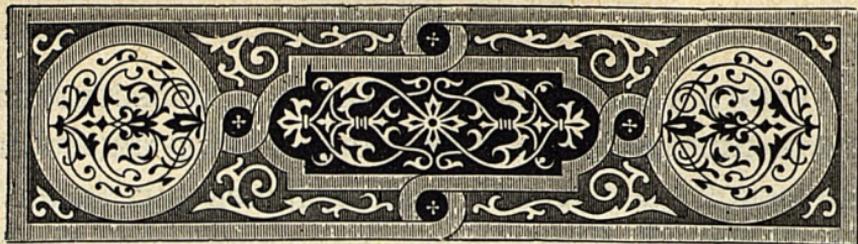
Москву (въ Нѣмецкую слободу). Когда въ 1812 году армія Наполеона двинулась на Москву, всѣ состоятельные москвичи разѣхались, кто куда. Удалился въ свою воронежскую вотчину и Бутурлинъ, оставивъ свой московскій домъ на попеченіи смотрителя. При домѣ былъ садъ, а въ саду прудъ. Опасаясь, что драгоцѣнные часы попадутъ въ руки французовъ, смотритель снялъ съ нихъ футляръ, завернулъ ихъ въ цыновку и опустилъ въ прудъ. Съ первыми морозами французы покинули Москву. Но прудъ затянуло уже льдомъ, и часы остались лежать тамъ до весны. Весною ихъ вынули изъ воды, и постоянный часовщикъ Бутурлиныхъ Леонтьевъ привелъ ихъ опять въ порядокъ. Въ 1853 г. часы были во владѣніи П. Н. Обнинскаго, который описываетъ ихъ такъ:

„Въ серединѣ циферблата золотой двуглавый орелъ; подъ нимъ вензель государыни Екатерины II. Кругомъ на серебряной доскѣ надпись: „Преименито Имя Ея во вѣки“. Вверху луна въ голубиное яйцо. Въ циферблатѣ золотое солнце показываетъ ходъ обѣихъ (?) планетъ. 12 мѣсячныхъ знаковъ. Затменія солнца и луны. Черный и бѣлый кругъ, показывающій, сколько часовъ сегодня ночи и дня; стрѣлка, показывающая високосные годы. Течение и перемѣны разныхъ планетъ. Числа дней, названія мѣсяцевъ и сколько въ которомъ дней. На дверцахъ футляра кругъ географическій. Другой кругъ отгадывающій, сколько у кого денегъ въ карманѣ: столько разъ часы ударятъ, лишь бы было не болѣе 84 рублей. На минутной стрѣлкѣ

устроены удивительные маленькіе часы въ гривеникъ, которые, не имѣя никакого сообщенія съ общимъ механизмомъ часовъ, показываютъ время очень вѣрно. Еще нѣсколько штукъ (?), которыя опредѣлить можетъ астрономъ“.

Намъ, людямъ XX столѣтія, на первый взглядъ можетъ показаться непонятнымъ, какъ это Кулибинъ, при его свѣтломъ, остромъ умѣ и при усвоенныхъ имъ съ теченіемъ времени обширныхъ научныхъ познаніяхъ, могъ тратить цѣлые мѣсяцы, если не годы, на такія, въ сущности, пустяшныя „штуки“. Но въ XVIII вѣкѣ во всей Европѣ на разныя диковины былъ большой спросъ, и имъ придавали особенное значеніе, какъ наглядному проявленію „человѣческаго генія“. Кулибинъ, какъ натура художественная и идеальная, упражнялъ свой „геній“ въ разныхъ трудно-разрѣшимыхъ задачахъ просто, какъ говорится, „изъ любви къ искусству“, но большую часть своего безкорыстнаго труда посвящалъ все-таки на пользу науки и человѣчества.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Премія лондонской академіи на воздушный мостъ.—
Поддѣлка ученымъ кулибинской модели и проваль
ученаго.

Учредивъ въ своей новой столицѣ „Россій-
скую Академію Наукъ“, Петръ Великій,
за неимѣніемъ еще у насъ тогда отече-
ственныхъ ученыхъ, пригласилъ въ нее
изъ-за моря ученыхъ изъ нѣмцевъ. Съ
тѣхъ поръ въ нашей Академіи нѣмцы укорени-
лись и не давали уже ходу молодымъ русскимъ
силамъ. Послѣ какихъ препятствій удалось по-
пасть туда Ломоносову! Сколько неприятностей
пришлось ему извѣдать и потомъ отъ своихъ нѣ-
мецкихъ коллегъ!

Но вотъ, къ успокоенію этихъ коллегъ, геніаль-
ный поморъ сошелъ въ могилу. И вдругъ, какъ бы
ему на смѣну, откуда ни возмись, такой же про-
стой русскій человѣкъ, Кулибинъ! Правда, этотъ

не мѣтилъ уже въ академики, а довольствовался своимъ скромнымъ положеніемъ завѣдующаго академической мастерской. Но мудрилъ онъ едва ли не болѣе еще Ломоносова, непрошенно то и дѣло выступалъ съ „прожеками“ разныхъ научныхъ новинокъ. Неудивительно, что большинство академикомъ-нѣмцевъ относилось къ русскому выскочкѣ недружелюбно и не упускало случая „прожекты“ его тормозить и высмѣивать.

Особенно памятнымъ остался Ивану Петровичу одинъ случай. Въ 1772 году въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось слѣдующее сообщеніе:

„Лондонская академія назначила дать знатное награжденіе тому, кто сдѣлаетъ лучшую модель такого моста, который бы состоялъ изъ одной дуги или свода, безъ свай, и былъ бы утвержденъ своими концами только на берегахъ рѣки“.

Довольно было этой искры для пылкой фантазіи нашего изобрѣтателя, чтобы вновь разгорѣться. Живя въ зданіи Академіи Наукъ, на Васильевскомъ острову, Кулибинъ и самъ нерѣдко испытывалъ неудобства отъ отсутствія на Невѣ постояннаго моста, особенно во время весенняго и осенняго ледохода, когда даже ялики переставали перевозить публику съ одного берега на другой. А сколько тысячъ жителей столицы страдали вмѣстѣ съ нимъ отъ той же причины! Какимъ благодареніемъ былъ бы для всѣхъ постоянный мостъ!

И въ воображеніи Кулибина все отчетливѣе и яснѣе вырисовывался воздушный мостъ, широкой

дугой, безъ всякихъ устоевъ, переброшенный съ берега на берегъ рѣки. Все свободное свое время проводилъ онъ теперь за составленіемъ чертежей новаго моста, а потомъ и за изготовленіемъ для него маленькой модели. За этимъ-то занятіемъ засталъ его разъ одинъ изъ академиковъ, котораго простодушный Иванъ Петровичъ считалъ въ числѣ своихъ благожелателей. Имя его, къ собственному его счатью, не дошло до потомства.

— Вѣчно, вѣдь, за дѣломъ! Вы что это опять мастерите? — поинтересовался академикъ, котораго мы будемъ называть N.

— Да вотъ готовлю модель постояннаго моста безъ свай,—отвѣчалъ Кулибинъ.—Вы слышали, вѣдь, что лондонская академія вызываетъ строителей для такой модели?

— Слышалъ. А велика ли денежная за нее премія?

— Да, право, не знаю: въ нашихъ „Вѣдомостяхъ“ сумма не показана. Но дѣло для меня и не въ преміи; Богъ съ ней!

— Такъ въ чемъ же?

— Въ томъ, чтобы у насъ черезъ Неву былъ постоянный мостъ. Во-первыхъ, какое облегченіе для самихъ петербуржцевъ; а потомъ, какая гордость для нашей великой государыни, которая состоитъ въ перепискѣ съ первыми учеными Западной Европы: вѣдь, ни въ Старомъ, ни въ Новомъ Свѣтѣ нѣтъ еще подобнаго моста, а у насъ въ Питерѣ будетъ!

— Правда, правда,—согласился N.—И вы надѣетесь преуспѣть?

— Разсчеты у меня всё уже сведены. Хочу только попросить господина Эйлера старшаго ¹⁾ ихъ еще провѣрить. А модель, какъ видите, уже въ работѣ.

— Но не черезчуръ ли она мала?

— Да что же подѣлаешь, коли на большую нѣтъ средствъ!

— Найдутся средства, какъ не найтись. А взглянуть на вашу работу вы позволите?

— Сдѣлайте милость.

И довѣрчивый изобрѣтатель показалъ своему ученому гостю недодѣланную еще модель; а потомъ, для большей ясности, и чертежи къ ней.

— Отлично, превосходно! — похвалилъ N. — Премія у васъ все равно что въ карманѣ.

Чистосердечная, повидимому, похвала академика придала Ивану Петровичу еще бѣольшую увѣренность. Но съ другого же дня на него посыпались порученія за порученіями, и все такія срочныя, что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ у него не было для себя и часу досуга.

Какъ вдругъ онъ узнаётъ, что на судъ Академіи представлены планъ и модель постояннаго моста безъ свай. Его какъ обухомъ по головѣхватило.

— Да кто представилъ?

— Академикъ N.

У него и руки опустились: подглядѣлъ мошен-

¹⁾ Академикомъ Эйлеровъ было двое: Леонардъ (отецъ) и Іоганнъ Альбертъ (сынъ).

никъ, вывѣдалъ, что нужно, а теперь выдаетъ за свое!

Никому, однако, Иванъ Петровичъ не обмолвился о подозрѣніи; испросилъ себѣ только разрѣшеніе присутствовать при томъ, когда представленная модель будетъ осматриваться ученою комиссіей.

Собралась комиссія, пришелъ и Кулибинъ. Пока господа члены комиссіи выслушивали обстоятельный докладъ новоявленного изобрѣтателя, пока задавали ему разные вопросы, Кулибинъ молча только разглядывалъ модель.

Объясненія изобрѣтателя вполнѣ удовлетворили комиссію, и модель его была признана единогласно отвѣчающею условіямъ лондонскаго конкурса. Н сіялъ отъ самодовольства и украдкой только косился на Ивана Петровича, который все время держался въ сторонѣ.

— Ну, что же, господа, мы всѣ, кажется, одного мнѣнія? — объявилъ предсѣдатель комиссіи. — Pro forma остается только испытать еще крѣпость арки моста. Какую тяжесть по условіямъ долженъ вынести вашъ мостъ?

— Пять тысячъ пудовъ, — отвѣчалъ N и подалъ знакъ рабочимъ: — накладывайте-ка желѣзо.

Стали тѣ накладывать многопудовые куски желѣза на средину арки модели, наложили всѣ 5000 пудовъ, — арка даже не погнулась.

— Это можно было предвидѣть, — заявилъ опять предсѣдатель, протягивая изобрѣтателю руку. — Позвольте, дорогой коллега, мнѣ первому васъ поздравить.

Тутъ N обступили всѣ члены комиссіи, и стали наперерывъ пожимать ему руку; а онъ каждого въ отдѣльности приглашалъ къ себѣ на квартиру, чтобы „вспрыснуть“ новый мостъ.

— Минутку еще, господа, не уходите, — остановилъ коллегъ предсѣдатель: — надо подписать протоколъ осмотра.

— А вы-то что же молчите, Иванъ Петровичъ? — отнесся одинъ изъ членовъ язвительно къ Кулибину, стоявшему въ раздумьи передъ моделью. — Каковъ мостъ-то?

— Хорошъ, — отвѣчалъ Иванъ Петровичъ. — Боюсь только, что безъ подпорки онъ, чего добраго, не выдержитъ, развалится.

— Безъ какой подпорки? Что за вздоръ! — раздались кругомъ голоса.

— Да какъ вы осмѣливаетесь говорить о какой-то подпоркѣ! — напустился на обличителя предсѣдатель. — Гдѣ она, гдѣ?

— А вонъ гдѣ, — указалъ Иванъ Петровичъ на искусно-скрытую подпорку.

Легко себѣ представить общее смущеніе: простой механикъ уличаетъ въ явномъ недосмотрѣ цѣлый синклитъ признанныхъ знатоковъ строительнаго дѣла. Но, какъ бы то ни было, при постройкѣ настоящаго моста о какой-либо подпоркѣ не могло быть и рѣчи.

— Уберите-ка подпорку! — приказалъ предсѣдатель рабочимъ.

Ее убрали — и модель, какъ предсказалъ Кулибинъ, рухнула. Протоколъ пришлось передѣлать,

но, понятно, не въ пользу изобрѣтателя. Всѣ члены комиссіи подписали его уже безъ возраженія. Когда же очередь дошла до самого N приложить руку, его не оказалось уже на лицо,—его и слѣдъ простылъ.

Послѣ того выискался еще одинъ предприниматель, устроившій такую же модель на дворѣ кадетскаго корпуса, но его постигла та же горькая участь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Кулибинская модель моста.

Изь царедворцевъ Екатерины II о ту пору наиболѣе вліятельнымъ былъ „великолѣпный князь Тавриды“, Григорій Александровичъ Потемкинъ. Подобно Григорію Орлову, онъ относился съ большимъ сочувствіемъ ко всему, что могло способствовать возвеличенію его родины. Къ нему то и обратился Кулибинъ, когда окончилъ свою маленькую модель постоянного дугообразнаго моста. Обладая обширнымъ, свѣтлымъ умомъ, Потемкинъ сразу понялъ главныя основанія и всю важность грандіознаго предпріятія.

— Богъ любитъ Троицу,—сказалъ онъ:—двѣ модели провалились; третья, навѣрное, выдержитъ.

— Старшій Эйлеръ, ваша свѣтлость, нашель, что мостъ мой выдержитъ тяжесть въ 5500 пудовъ,—заявилъ въ отвѣтъ Иванъ Петровичъ.

— Такъ онъ твои исчисленія уже одобрилъ? Ну, тогда и сомнѣній быть не можетъ. Леонардъ Эйлеръ—европейская знаменитость. А другіе наши ученые мужи что говорятъ?

— Тѣ ему не вѣрятъ и пожимаютъ плечами: я для нихъ только—русскій плотникъ.

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ.

— Ну, такъ ты докажи имъ, что и русскій плотникъ, ревнуя о славѣ и пользѣ своего отечества, можетъ привести въ конфузъ ученыхъ нѣмцевъ. А во что, примѣрно, обошлась бы твоя большая модель?

— Да рублей въ тысячу, пожалуй, стала бы.

— Что такъ много?

— Да вѣдь длиною модель, ваша свѣтлость, будетъ въ 14 сажень—всего въ десять только разъ короче самого моста. Однихъ деревянныхъ брусьевъ потребуется 12 тысячъ, а желѣзныхъ винтовъ и скобокъ 50 тысячъ, чтобы потомъ, на случай починки, можно было вынуть каждую часть отдѣльно, не разнимая цѣлаго.

— Теперь-то мнѣ ясно. Завтра же доложу о тебѣ императрицѣ.

— И замолвите отъ себя тоже доброе словечко?

— Окажу всю мою инфлюэнцію. Нравомъ ея величество въ таковыхъ оказіяхъ весьма жене-розна.

Докладъ, дѣйствительно, увѣнчался успѣхомъ: Кулибину было отпущено изъ казны 1000 рублей ассигнаціями.

Взявъ себѣ въ помощь необходимое число столяровъ и слесарей для исполненія, по его указаніямъ, „черной“ работы, Иванъ Петровичъ всю „чистую“ работу дѣлалъ самъ. Наконецъ, въ ноябрь 1776 года, и большая модель его была готова. Когда онъ доложилъ о томъ Потемкину, тотъ выразилъ желаніе, еще до „аппробаціи“ модели академиками, осмотрѣть ее лично. И вотъ, въ одинъ изъ ближайшихъ дней, когда въ скромной квартиркѣ Кулибина по случаю его именинъ собрались званые гости, растворяется дверь прихожей, и входитъ самъ „свѣтлѣйшій“! И хозяйева, и гости, понятно, заметались, какъ угорѣлые.

— Я, никакъ, помѣшалъ? Прошу не беспокоиться, — замѣтилъ Потемкинъ и, сопровождаемый Иваномъ Петровичемъ, спустился тотчасъ внизъ въ академическій дворъ, гдѣ стояла модель моста. Выслушавъ подробныя объясненія изобрѣтателя и высказавъ ему свое полное удовольствіе, — онъ спросилъ, не семейное ли у него торжество?

— Точно такъ, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ Кулибинъ: — нынче день моего ангела. Вотъ добрые пріятели и пришли пожелать мнѣ счастья.

— Такъ и мнѣ надо сдѣлать то же.

Возвратившись въ квартиру Кулибиныхъ, „свѣтлѣйшій“ далъ налить себѣ рюмку вина и чокнулся съ именинникомъ:

— Всего лучшаго! Вскорѣ надѣюсь поздравить тебя и съ царскою милостью.

На осмотръ кулибинской модели моста, 27 декабря 1776 года, прибыло шестеро академиковъ (въ томъ числѣ оба Эйлера) и трое адъюнктовъ. Желѣзо для испытанія крѣпости моста было навезено уже заранѣе. Когда тутъ рабочіе стали его накладывать на модель, — при всякомъ стукѣ и скрипѣ, изъ группы ученыхъ до слуха Ивана Петровича долетали насмѣшливыя замѣчанія:

— Два моста мы уже извѣздили; станемъ доѣзжать и третій!

— Эдакъ скоро онъ построитъ намъ лѣстницу и на самое небо!

Только старикъ Эйлеръ оставался безпристрастнымъ и вполголоса сдерживалъ насмѣшниковъ:

— Терпѣнія, господа. Сперва докажите, что

мость никуда не годенъ; тогда смѣйтесь, сколько угодно.

Самъ Кулибинъ дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ. Онъ наблюдалъ за нагрузкой тяжестей, а когда все желѣзо, вѣсомъ въ 5500 пудовъ, было нагружено, приказалъ наложить еще сверху нѣсколько тысячъ кирпичей, случайно оказавшихся также на академическомъ дворѣ. Модель попрежнему не поддавалась ни на вершокъ.

Насмѣшки утихли. Озадаченные ученые украдкой только переглядывались.

— Теперь, милостивые государи, не благоволите ли сами взойти на мостъ? — предложилъ Кулибинъ и, показывая примѣръ, взошелъ первымъ на середину моста.

Оба Эйлера, а за ними и остальные члены испытательной комиссіи послѣдовали приглашенію, стали расхаживать взадъ и впередъ по мосту.

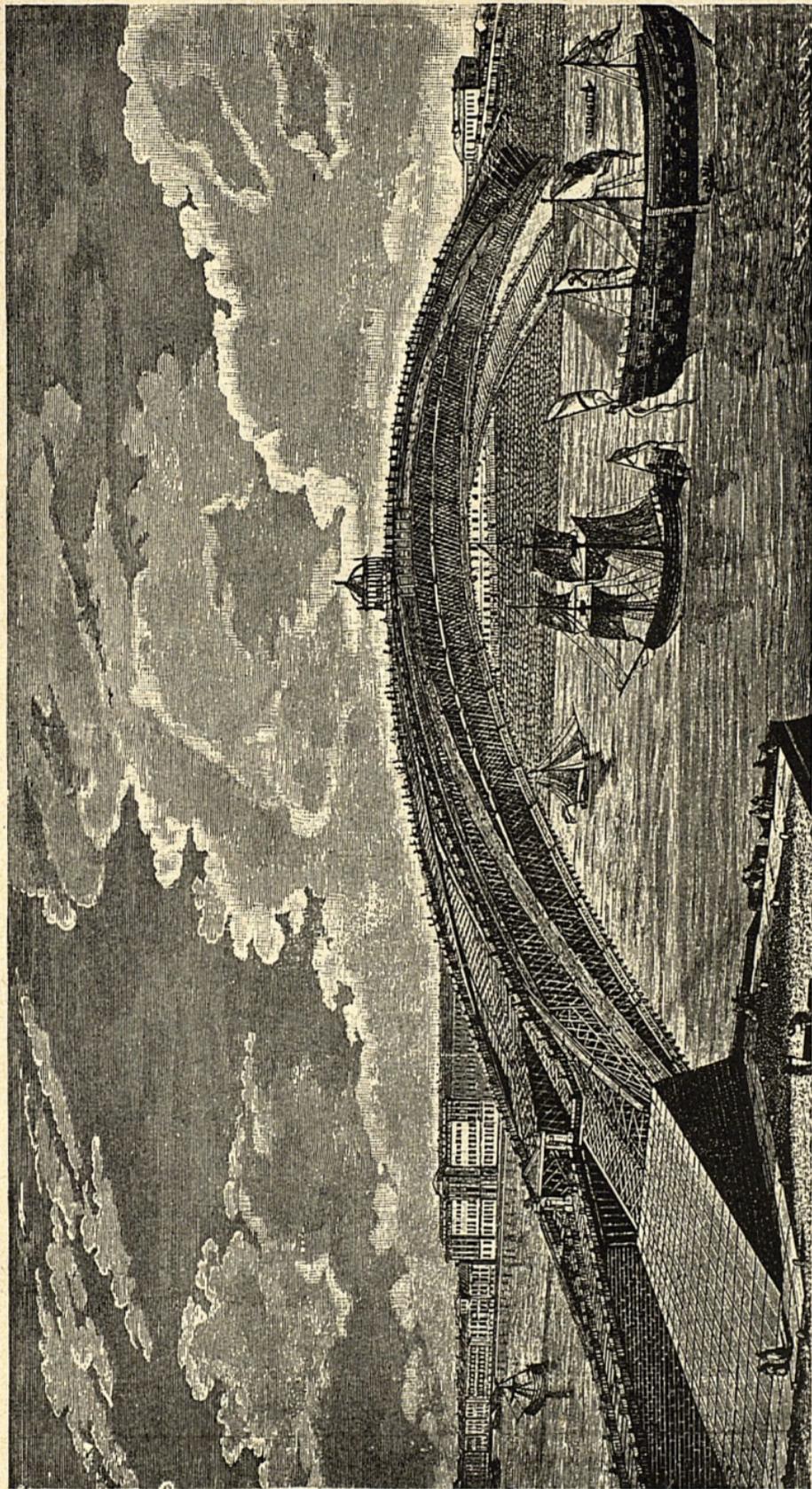
— Ступайте-ка и вы всѣ сюда, братцы! — крикнулъ Иванъ Петровичъ рабочимъ.

Взошли и тѣ, а мостъ все стоялъ непоколебимо.

— Ну, что, господа? — обратился старикъ Эйлеръ къ своимъ коллегамъ. — Годится мостъ или нѣтъ?

Тѣ не могли уже оспаривать его пригодность.

— Знаете ли, Иванъ Петровичъ, — продолжалъ Эйлеръ: — хотя въ теоріи я и провѣрилъ всѣ ваши расчеты, а все-таки, признаться, и самъ не совсѣмъ еще былъ увѣренъ, что они оправдаются на практикѣ. Теперь, для полной сатисфакціи, вамъ

Постоянный дугообразный мостъ по модели И. П. Кулибина.

остается только оправдать послѣднее пророчество,—прибавилъ онъ съ тонкой улыбкой, поглядывая на одного изъ насмѣшниковъ:—построить намъ лѣстницу на небо.

На этомъ, казалось, испытаніе могло бы и окончиться. Но члены комиссіи для большей еще вѣрности рѣшили оставить мостъ подъ тяжестью въ теченіе трехъ недѣль, а чтобы изобрѣтателю нельзя было что-либо измѣнить, подъ середину и подъ оба конца моста были подвѣшены гири на веревочкахъ, длина которыхъ была точно записана. Но и послѣ трехъ недѣль 14-саженная дуга моста ни на волосъ не погнулась. Тутъ должны были разсѣяться и послѣднія сомнѣнія ученыхъ недоброжелателей русскаго механика, и ни одинъ изъ нихъ не отказался уже подписаться подъ донесеніемъ Академіи императрицѣ о вполнѣ успѣшномъ выполненіи мудреной задачи.

По Высочайшему повелѣнію чертежи и описаніе кулибинской модели были напечатаны, а затѣмъ издана и большая гравюра, изображающая самый мостъ, какимъ онъ былъ бы при постройкѣ его черезъ Неву.

Но такова, увы, у насъ на Руси судьба иныхъ важныхъ изобрѣтеній: всякаго моста черезъ Неву по кулибинской модели, безусловно уже одобренной учеными цѣнителями, все-таки не было построено! Одною изъ причинъ тому былъ, надо думать, недостатокъ въ казнѣ тогда свободныхъ средствъ вслѣдствіе войнъ съ турками и шведами; другая причина, быть можетъ, была поли-

тического свойства, а именно опасеніе, что постоянный мостъ черезъ Неву могъ бы послужить на пользу нашимъ врагамъ-шведамъ въ случаѣ неблагопріятнаго для насъ исхода войны. Не задалось!

А что же случилось съ преміей лондонской академіи?—Слухъ про изобрѣтенный русскимъ механикомъ висячій мостъ облетѣлъ всю Западную Европу, перелетѣлъ, безъ сомнѣнія, и черезъ Ламаншъ къ англичанамъ. Но тѣ, по старинной враждѣ къ русскимъ, не откликались; везти же самому въ Лондонъ свою громадную модель при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, при отсутствіи необходимыхъ для того средствъ и при незнаніи имъ иностранныхъ языковъ, Кулибину и въ голову не приходило. Изобрѣтенная же имъ „раскосная“ система дугообразныхъ мостовъ нашла затѣмъ всеобщее примѣненіе прежде всего въ Америкѣ, почему и извѣстна подъ названіемъ „американской раскосной системы“.

Впрочемъ, четырехлѣтній трудъ Ивана Петровича для него лично не пропалъ даромъ:

Во-первыхъ, ему назначена была денежная награда въ 2000 рублей.

Во-вторыхъ, онъ со всѣмъ своимъ семействомъ (въ январѣ 1775 г.—еще до окончанія большой модели) былъ исключенъ изъ подушнаго оклада.

Въ-третьихъ, первымъ его покровителемъ, Григоріемъ Орловымъ, ему были обѣщаны и чины, и ордена, при одномъ лишь условіи, чтобы онъ, по примѣру другихъ чиновниковъ, сбрилъ себѣ бороду

и одѣлся въ нѣмецкое платье. Но Кулибинъ, поблагодаривъ за добрую память, отвѣчалъ, что „почестей на ристалищѣ отличій не ищетъ, и ради нихъ бороды своей не сбреетъ“.

Въ-четвертыхъ, императрица Екатерина, узнавъ объ отказѣ его отъ обычныхъ почетныхъ наградъ, повелѣла выбить въ его честь особую золотую медаль. На одной сторонѣ медали былъ портретъ самой государыни съ надписью: „Достойному“; на другой сторонѣ—двѣ аллегорическія женскія фигуры, означавшія науки и искусства, вѣнчали лавровымъ вѣнкомъ надпись: „Академія Наукъ Ивану Петровичу Кулибину“.

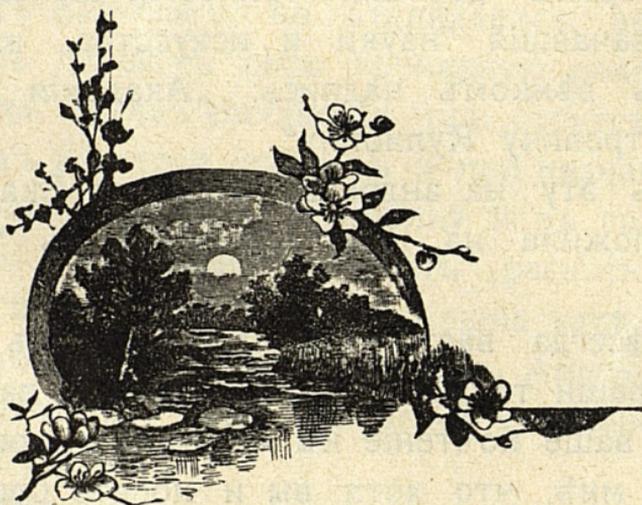
Медаль эту на андреевской лентѣ Екатерина сама возложила на шею Кулибина съ такими словами:

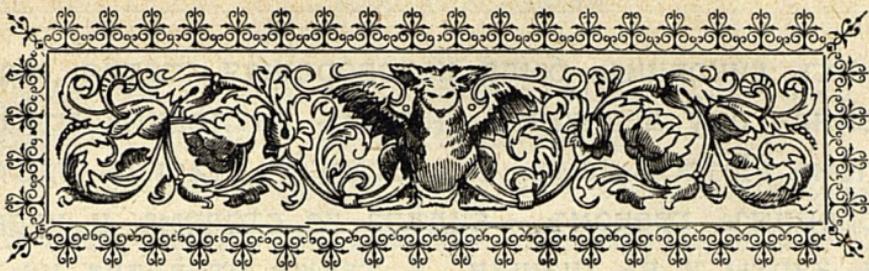
— Я всегда васъ уважала, господинъ Кулибинъ, за ваши труды; теперь же уважаю васъ еще болѣе за ваше почтеніе къ обычаямъ предковъ. Повѣрьте мнѣ, что хотя вы и носите бороду, я всегда найду для васъ приличныя награды и помимо орденовъ и титуловъ.

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что пожалованная Ивану Петровичу медаль давала ему право пріѣзда къ Высочайшему двору.

Наконецъ, въ-пятыхъ, кулибинская большая модель долгое время привлекала на академическій дворъ массу любопытныхъ. Когда же, 15 лѣтъ спустя, ей было отведено Потемкинымъ мѣсто въ саду при его Таврическомъ дворцѣ, и въ одну „бѣлую“ іюньскую ночь съ академическаго двора

тронулся небывалый по своей длинѣ поѣздъ въ 14 сажень, на которомъ, по придуманному также самимъ Кулибинымъ способу, перевозилась въ неразобранномъ видѣ модель моста,—ее провожала, несмотря на ночную пору, цѣлая толпа черезъ весь городъ, съ Васильевского острова до потемкинскаго сада.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Говорящая статуя. — Часы „съ павлиномъ и слономъ“. — Представленіе Суворову и двумъ иностраннымъ монархамъ.

При всей замкнутости вѣчно-трудо­вой жизни Кулибина въ академической мастерской, его не­утомимая изобрѣтательность заставляла часто говорить о немъ и внѣ стѣнъ Академіи и сталкивала его нерѣдко съ великими міра сего.

Такъ за услугами Ивана Петровича обратился однажды также оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, извѣстный вель­можа-богачъ, хлѣбосоль и весельчакъ, котораго Державинъ воспѣлъ въ особой одѣ, начинающейся такъ:

„Нарышкинъ! коль и ты привѣтствомъ
Къ веселью всѣмъ свой домъ открылъ“.

Въ петербургскихъ палатахъ Нарышкина на Исаакіевской площади, въ числѣ разныхъ замор-

скихъ диковинъ, была и говорящая статуя, подаренная ему великимъ княземъ наслѣдникомъ Павломъ Петровичемъ. Эта статуя—старикъ, одѣтый древнимъ грекомъ,—сидѣла за столомъ и играла въ карты и въ шашки, а также отвѣчала на задаваемые ей незамысловатые вопросы, какъ-то: какое сегодня число? который часъ? сколько людей въ комнатѣ? что дѣлаетъ хозяинъ? и т. п. Давались эти отвѣты, само собою разумѣется, не самою статуей, а живымъ человѣкомъ, скрытымъ частью подъ столомъ, частью въ самой статуѣ, причемъ всѣ движенія статуи производились имъ же, посредствомъ особаго въ ней механизма.

На петергофской дорогѣ у Нарышкина была великолѣпная дача или, какъ тогда говорилось, мыза. Устраивая тамъ для императрицы грандіозный праздникъ, онъ отвелъ отдѣльное помѣщеніе и для своей говорящей статуи; разобрать же ее въ городѣ и собрать потомъ на мызѣ въ прежнемъ видѣ поручилъ механику театральной дирекціи Бригонціо.

Наканунѣ праздника Нарышкинъ заѣхалъ на свою мызу, чтобы убѣдиться, все ли тамъ къ завтраму въ порядкѣ. Статуя оказалась уже собранной; но самъ Бригонціо имѣлъ какой-то растерянный видъ.

— Что съ тобою, синьоръ?—спросилъ Нарышкинъ.—Здоровъ ли?

— Я-то здоровъ... — пробурчалъ Бригонціо, ероша на себѣ парикъ.

— Такъ съ грекомъ моимъ неладно? Вдохнуть жизнь въ него не можешь?

— Да никто ее въ него не вдохнетъ, даю го-

лову на отсѣченіе! Развѣ что вы выпишите того самага мастера, кто его сдѣлалъ.

— А я, синьоръ, ужъ такъ на тебя понадѣялся! Вѣрно, ты въ механизмѣ что-нибудь не доглядѣлъ или попортилъ.

Механикъ-итальянецъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

— *Corpo di Vasso!* Чтобы я да попортилъ? Каждый винтикъ опять на своемъ мѣстѣ.

— Что-нибудь все-же не такъ. Государыня обѣщала непременно быть на моемъ праздникѣ. Отмѣнить его я и помыслить не смѣю; а гдѣ раздобыть мнѣ сейчасъ еще болѣе искуснаго механика? Бѣда сущая!

— Позовите вашего русскаго автодидакта!—желчно усмѣхнулся Бригонціо.—Онъ у васъ на все вѣдь гораздъ.

„И то, не позвать ли Кулибина? Утопающій хватается за соломинку...—подумалъ про себя Нарышкинъ.—Поѣду-ка самъ за нимъ“...

И, сѣвъ въ свою коляску, онъ покатилъ обратно въ городъ.

Въ то время деревянный плавучій мостъ черезъ Неву на Васильевскій островъ былъ навѣденъ прямо къ Академіи Наукъ съ сенатской площади противъ Исаакія (почему такъ и назывался Исаакіевскимъ). Едва только экипажъ Нарышкина взлетѣлъ на мостъ, какъ навстрѣчу пѣшечкомъ идетъ Иванъ Петровичъ.

— Стой, стой!—крикнулъ кучеру Нарышкинъ.—Самъ Богъ посылаетъ мнѣ тебя, Кулибинъ!

И онъ объяснилъ ему свое горе.

— Какъ, братецъ, хочешь, а моего старика-грека собрать ты долженъ. Поддержи честь русскаго механика.

— Приложу усильное тщаніе, — отвѣчалъ Кулибинъ. — Сейчасъ бѣгу домой за инструментами. Достать бы потомъ только возницу...

— На что возницу! Садись въ мою коляску: она въ моментъ домчитъ тебя на мызу. Оттуда вышлешь мнѣ ее назадъ: ввечеру уже самъ понавѣдаюсь опять туда.

Когда Нарышкинъ подъ вечеръ пріѣхалъ снова на свою мызу, то засталъ тамъ Кулибина въ задумчивой позѣ передъ сидящей за столомъ статуей.

— Ну, что, что? — спросилъ онъ. — И тебѣ, знать, не справиться?

— Справился, ваше превосходительство. Все опять въ наилучшемъ видѣ.

— А что же ты стоишь тутъ?

— Да вотъ, раздумываю, какъ бы этого самаго грека обучить еще какой-нибудь штукѣ.

— Все-то кружишь мысль въ химерахъ! Лучше придумай-ка, какъ бы намъ теперь подшутить надъ этимъ хвастуномъ Бригонціемъ.

— А прикажите позвать его сюда. Я спрячусь, чтобъ онъ меня не видѣлъ.

Бригонціо, какъ и Кулибинъ, мастеръ на всѣ руки, былъ занятъ въ это время устройствомъ въ саду огнедышащей горы. Когда онъ предсталъ предъ Нарышкинымъ, тотъ встрѣтилъ его съ притворнымъ раздраженіемъ:

— Такъ что же, синьоръ, грека моего ты такъ-таки и не оживишь?

— Никто вамъ его не оживить, даю голову на отсѣченіе! — повторилъ итальянецъ свою любимую поговорку.

— Рубите жъ ему голову!—загремѣла тутъ статуя громовымъ голосомъ и съ угрожающимъ жестомъ.

Бригонціо, какъ отъ громового удара, чуть не свалился съ ногъ; но неудержимый хохотъ Нарышкина и Кулибина, вылѣзшаго изъ-за статуи, привели его опять въ себя, и онъ, какъ встре-паннй, безъ оглядки выбѣжалъ изъ дверей.

— Синьоръ, синьоръ!—кричалъ вслѣдъ ему Нарышкинъ, махая забытой итальянцемъ второпяхъ шляпой.—Голову-то свою возьми съ собой! На сей разъ еще дарю ее тебѣ.

На слѣдующій день, во время праздника, про эту потѣшную сцену узнали отъ Нарышкина государыня и прочіе гости. Нечего и говорить, что на долю итальянскаго механика выпало столько же нелестнаго смѣху, сколько на долю русскаго лестныхъ похвалъ.

Въ другой разъ Кулибинъ обратилъ на себя вниманіе и великаго Суворова. Потемкинымъ были выписаны изъ Англїи для государыни часы „съ павлиномъ и слономъ“; но нѣкоторыя части этихъ часовъ въ дорогѣ растерялись, другія попортились, и изъ всѣхъ иностранныхъ механиковъ въ Петербургѣ одинъ только брался ихъ починить, но за огромную сумму—5000 червонцевъ.

Тогда Потемкинъ послалъ за Кулибинымъ. Тотъ оцѣнилъ всю работу въ 1200 руб., а исполнивъ ее, представилъ еще неизрасходованные 7 руб. 50 коп.

Тронутый такимъ безкорыстіемъ, Потемкинъ объявилъ Ивану Петровичу, что съ этого дня онъ, не въ примѣръ другимъ, имѣетъ къ нему всегда свободный доступъ. Кулибинъ, однако, не злоупотреблялъ своимъ исключительнымъ правомъ и являлся къ „свѣтлѣйшему“ только въ большіе праздники, чтобы принести и свое поздравленіе.

Въ такой-то праздникъ стоялъ онъ однажды, въ своей русской одеждѣ, въ уголку большой пріемной Таврическаго дворца, гдѣ, въ ожиданіи выхода хозяина, толпились, въ шитыхъ золотыхъ мундирахъ и посыпанныхъ пудрой парикахъ, весь генералитетъ, вся вельможная знать. Вдругъ двери изъ внутреннихъ покоевъ растворились, и вышелъ Потемкинъ въ сопровожденіи невысокаго, сухого старичка-генерала.

— Фельдмаршалъ! Суворовъ! — пронеслось шопотомъ по всей пріемной.

Навстрѣчу обоимъ двинулись самые именитые поздравители. Но глаза Потемкина кого-то какъ будто искали. Вотъ онъ замѣтилъ въ отдаленіи Кулибина и указалъ на него своему спутнику. Тотъ направился прямо къ Ивану Петровичу, но посреди комнаты остановился и отвѣсилъ ему поклонъ со словами:

— Вашей милости!

Сдѣлавъ впередъ еще нѣсколько шаговъ, Суворовъ отдалъ ему новый поклонъ еще ниже.

— Вашей чести!

Затѣмъ, подойдя къ нему вплотную, взялъ его за руку и поклонился въ поясъ въ третій разъ.

— Вашей премудрости мое почтеніе!

Кулибинъ, хотя и сдѣлался центромъ всеобщаго вниманія, но не особенно смутился и отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ, на предлагаемые ему Суворовымъ вопросы.

— Помилуй Богъ, сколько ума!—сказалъ чужакъ - фельдмаршалъ, обращаясь къ окружающимъ.—Онъ изобрѣтетъ еще коверъ-самолетъ.

— Вашему сіятельству такого ковра не нужно,— отвѣчалъ Кулибинъ:—вы и безъ него летаете всегда къ побѣдамъ.

Представляли его, наравнѣ съ первыми царедворцами, и пріѣзжавшимъ въ Петербургъ иностраннымъ монархамъ. Такъ въ 1780 г., въ честь австрійскаго императора Іосифа II, прибывшаго въ Россію подъ именемъ графа Финкенштейна, былъ устроенъ въ Петергофскомъ дворцѣ большой маскарадъ. Пришлось Ивану Петровичу облечься въ богатый боярскій нарядъ, маски же ему даже не понадобилось, такъ какъ собственная его борода и прическа какъ нельзя лучше отвѣчали такому наряду. Сталъ онъ, по обыкновенію, въ сторонкѣ, позади другихъ роскошныхъ масокъ. Вдругъ до него донесся голосъ императрицы:

— А гдѣ же Кулибинъ? Гдѣ мой Кулибинъ?

— Кулибина! Кулибина!— раздалось кругомъ многоголосое эхо, и живая стѣна передъ нимъ

разступилась, чтобы пропустить государыню съ какимъ-то кавалеромъ въ черномъ домино.

Тотъ пожалъ нашему механику руку и сказалъ по-французски:

— Я счастливъ видѣть такого человѣка, какъ вы, господинъ Кулибинъ. Отъ души уважаю я васъ. Повѣрьте, что слова мои такъ же искренни, какъ велики ваши произведенія.

Не зная самъ по-французски, Иванъ Петровичъ ограничился молчаливымъ поклономъ. Но стоявшій около него придворный объяснилъ ему, что то былъ императоръ австрійскій, и тутъ же перевелъ ему слова его по-русски.

Въ 1796 г. посѣтилъ Петербургъ король шведскій Густавъ IV. Въ числѣ разныхъ достопримѣчательностей невской столицы, онъ осматривалъ также эрмитажную кунсткамеру, а въ ней—и работы Кулибина. Самъ Кулибинъ долженъ былъ, черезъ переводчика, объяснить королю устройство каждаго предмета.

Съ своей стороны король, заинтересованный такою замѣчательною личностью, задавалъ ему также рядъ вопросовъ, послѣ чего крѣпко потрясъ ему руку, а директору эрмитажа отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, одаренномъ необычайными талантами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Два самохода: по водѣ и по сушѣ.—Искусственная нога.—Чудо-фонарь.—Оптический фейерверкъ.

Словомъ, шутя, пророчилъ Кулибину, что онъ изобрѣтетъ коверъ-самолетъ. Пророчество въ нѣкоторой степени сбылось: Иванъ Петровичъ изобрѣлъ затѣмъ если и не самолетъ, то два самохода: одинъ—по сушѣ, другой—по водѣ.

Примѣнить силу пара для движенія судовъ или экипажей никому тогда еще и во снѣ не снилось. Суда вверхъ по рѣкамъ ходили у насъ бечевою, т.-е. ихъ тянули вдоль берега на лямкахъ бурлаки или же лошади, впряженные въ лямки. Не разъ, бывало, въ дѣтствѣ Кулибинъ съ берега Волги наблюдалъ за этой тягой и болѣлъ сердцемъ за бѣднягъ-бурлаковъ, которые, надрываясь, въ потѣ лица, тащили противъ теченья баржи, на-

груженныя до бортовъ. Теперь, во всеоружіи своихъ техническихъ познаній и долголѣтняго опыта, онъ задался мыслью живую тягу на судахъ замѣнить механическою, которую давало бы ему самое теченіе воды. Сколько пришлось ему положить труда, сколько испытать неудачъ, пока, наконецъ, въ 1782 году мысль его не осуществилась!

Генераль-прокурору князю Вяземскому съ членами адмиралтействъ-коллегіи было повелѣно испытать кулибинское водоходное судно на дѣлѣ. Съ утра уже оба берега Невы были усѣяны народомъ; мало кому вѣрилось въ такое грузовое судно, которое ходило бы вверхъ по рѣкѣ безъ парусовъ и весель. Но вотъ судно съ балластомъ въ 4000 пудовъ, дѣйствительно, двинулось противъ теченья и дувшаго съ Ладожскаго озера сильнаго вѣтра, притомъ съ такою скоростью, что порожній яликъ съ двумя гребцами едва-едва поспѣвалъ за нимъ. Тутъ съ обоихъ береговъ Невы донеслось до Кулибина дружное „ура!“, а стоявшая у окна Зимняго дворца государыня замахала ему платкомъ. Въ награду изобрѣтателю было выдано 5000 рублей.

Вполнѣ пригодное для Невы, кулибинское самоходное судно не могло однакожъ еще служить для судоходства на Волгѣ съ ея порогами и отмелями. Поэтому Ивану Петровичу было дано время для выработки необходимыхъ приспособленій.

Между тѣмъ онъ трудился уже надъ устройствомъ самодвижущейся одноколки, которую называлъ с а м о к а т к о й. Сидѣть въ ней могли двое, а третій, стоявшій на придѣланныхъ сзади башмакахъ, при-

водилъ экипажъ въ движеніе ногами, какъ то дѣлается въ нынѣшнихъ велосипедахъ. Въ гору самокатка поднималась быстро, а подъ гору сама собой умѣряла ходъ. Кулибинъ мечталъ уже о томъ, какъ его самокатка войдетъ во всеобщее употребленіе; какъ вдругъ онъ узнаётъ изъ газетъ, что въ Берлинѣ испытывается изобрѣтенный однимъ нѣмцемъ механической экипажъ. Тягаться съ нѣмцемъ казалось ему уже безцѣльнымъ, и онъ пересталъ думать о своей самокаткѣ.

Къ числу механическихъ двигателей можетъ быть отнесена, пожалуй, и сдѣланная Иваномъ Петровичемъ искусственная нога. Въ войну нашу съ турками, при штурмѣ очаковской крѣпости, одному поручику артиллеріи, Непейцыну, оторвало пушечнымъ ядромъ ногу выше колѣна. Познакомясь въ Петербургѣ съ Кулибинымъ, калѣка-артиллеристъ шутя ему замѣтилъ:

— Вотъ вы, Иванъ Петровичъ, на всякія штуки мастеръ. Смастерили бы вы мнѣ ногу.

— Попытаемся,—отвѣчалъ Кулибинъ и въ три мѣсяца смастерилъ искусственную ногу.

Остовъ ноги былъ сдѣланъ изъ тонкаго металла, сверху же обложенъ пробкой, а пробка обтянута замшей. Привинченный къ механической ногѣ деревянный костыль былъ пропущенъ до пазухи подъ мундиръ. Обрубокъ оторванной ноги искусственная нога облегалась такъ плотно, что прежній калѣка могъ не только обходиться безъ палки, но даже танцевать: нога сгибалась и разгибалась совсѣмъ свободно. Кто не видалъ Непейцына рань-

ше на костыляхъ, тотъ просто не хотѣлъ вѣрить, что одна нога у него не своя. Такъ какъ войны у насъ тогда почти не прекращались, и на родину возвращалось не мало инвалидовъ съ ампутированными ногами, то Иванъ Петровичъ сдѣлалъ еще двѣ куклы съ искусственными ногами, которыя и представилъ на одобреніе въ военное вѣдомство. Одобреніе было дано какъ учеными, такъ и докторами; но когда рѣчь зашла о заказѣ такихъ искусственныхъ ногъ на счетъ казны, дѣло опять затнулось, пока совсѣмъ не заглохло. Тутъ одну изъ куколъ увидѣлъ какой-то предприимчивый французъ. Онъ тотчасъ уплатилъ требуемую сумму, увезъ куклу въ Парижъ и выдалъ тамъ за свое собственное изобрѣтеніе. Наполеонъ сразу оцѣнилъ такое благодѣяніе для калѣкъ и сталъ заказывать у предпринимателя искусственныя ноги для своихъ раненыхъ офицеровъ, платя за каждую ногу по 1200 франковъ. Кулибинъ могъ утѣшаться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что своимъ изобрѣтеніемъ облегчилъ положеніе многихъ несчастныхъ, хоть и не своихъ соотечественниковъ.

По временамъ Иванъ Петровичъ отъ чистой механики обращался снова къ прикладной—къ оптическимъ приборамъ.

Уличнымъ освѣщеніемъ люди XVIII вѣка не были избалованы: ни о свѣтильномъ газѣ, ни о керосиновыхъ горѣлкахъ, тѣмъ менѣе объ электрическихъ лампочкахъ накаливанія, не было еще и помину; даже на главныхъ улицахъ Петербурга горѣли однѣ масляныя лампы, которыя не столько

освѣщали улицу, сколько самихъ себя. Каково же было изумленіе жителей Англійской набережной, когда однимъ темнымъ вечеромъ набережная внезапно озарилась черезъ Неву какимъ-то небывалояркимъ свѣтомъ. Изъ всѣхъ домовъ высыпали на улицу жильцы и, недоумѣвая, уставились на противоположный берегъ рѣки, откуда свѣтился огненный кругъ, наподобіе какъ бы восходящей луны, только меньшихъ размѣровъ. Какой-то англичанинъ досталъ изъ кармана газету: лучи загадочнаго свѣтила были настолько сильны, что позволяли даже читать.

— Да вонъ, смотрите, яликъ!— замѣтилъ кто-то.— Сейчасъ узнаемъ, въ чемъ дѣло.

И, въ ожиданіи ялика, зрители столпились около спуска.

— Господа! отколѣ у васъ тамъ, на Васильевскомъ, этотъ волшебный свѣтъ?

— Смотри-ка, Иванъ Петровичъ, сколько народу ты собралъ,— говорилъ, сходя на берегъ, одинъ изъ прибывшихъ на яликъ другому.— Вотъ, господа, самъ волшебникъ; онъ вамъ и объяснить.

Кулибинъ, переправившійся съ пріятелями черезъ Неву, чтобы лично убѣдиться въ дѣйствиіи своего новаго изобрѣтенія, объяснилъ тутъ, что въ окнѣ его квартиры, въ верхнемъ этажѣ Академіи Наукъ, горитъ фонарь съ вогнутымъ рефлекторомъ изъ множества мелкихъ зеркалъ. Такъ какъ лампа поставлена въ самой серединѣ—въ „фокусъ“ рефлектора, то сила ея свѣта увеличивается по крайней мѣрѣ въ 500 разъ.

— Такой фонарь особенно пригоденъ для большихъ мастерскихъ и для длинныхъ коридоровъ,— заключилъ онъ свое объясненіе.— Но, можетъ-быть, онъ пригоденъ и для моряковъ,—что мы узнаемъ надняхъ.

Съ послѣднею цѣлью онъ нѣсколько дней спустя отправился съ своими пріятелями въ Красное Село, гдѣ въ исходѣ 9-го часа вечера поднялся на колокольню. Дома у себя въ Петербургѣ онъ сдѣлалъ уже распоряженіе, чтобы въ 9 часовъ былъ зажженъ его фонарь въ окнѣ, обращенномъ къ Красному Селу. И что же? Ровно въ 9 часовъ они увидѣли съ своей колокольни, какъ на темномъ горизонтѣ Петербурга вспыхнула яркая звѣздочка красноватаго цвѣта.

— Отъ Академіи сюда безъ малаго 30 верстъ,— воскликнулъ обрадованный Кулибинъ. — Стало-быть, фонарь мой можетъ служить и на морѣ— для маяковъ и кораблей.

Въ первое время, пока иностранцы, по обыкновенію, не переняли новаго изобрѣтенія русскаго механика, Ивану Петровичу почти не было отбою отъ заказчиковъ, охотно платившихъ ему, смотря по величинѣ фонаря, отъ 60-ти до 150-ти рублей за штуку.

На морѣ фонарь его впервые былъ примѣненъ извѣстнымъ мореплавателемъ и промышленникомъ морскихъ звѣрей въ Камчаткѣ и на Аляскѣ Шелеповымъ. По возвращеніи изъ своего дальняго плаванія въ Петербургъ, Шелеповъ разсказалъ Кулибину, какъ при помощи зеркальнаго фонаря

ему удалось покорить дикихъ острова Кыктака на Тихомъ Океанѣ:

— Сначала дикіе приняли насъ крайне непріязненно, нападали на насъ изъ засады, и я уже отчаявался завязать съ ними торговыя сношенія. Оставалось еще послѣднее средство—подѣйствовать на нихъ суевѣріемъ. Они поклонялись солнцу, и я сказалъ имъ, что могу по желанію во всякое время дня и ночи вызвать ихъ божество. По закатѣ солнца всѣ островитяне съ своими старшинами собрались на берегу. Я стоялъ среди нихъ и началъ призывать солнце. Корабля нашего за темнотою не было видно съ берега. А матросамъ на кораблѣ я заранѣе уже отдалъ приказаніе въ такомъ-то часу поднять зеркальный фонарь на мачту. Какъ вдругъ среди непрогляднаго мрака надъ моремъ поднимается огненное свѣтило. Что случилось тутъ съ моими дикарями! Крича, кривляясь, они стали молиться своему божеству. Тогда я ихъ успокоилъ, что это-де не самое еще солнце, а его внукъ, но что оно прислало внука къ нимъ затѣмъ, чтобы они не враждовали съ нами, а покорились. И они покорились.

Въ число прямыхъ обязанностей академическаго механика входило также устройство при Высочайшемъ дворѣ иллюминацій и фейерверковъ, для которыхъ программы составлялись самими академиками. Какъ ни разнообразились эти программы, въ одномъ отношеніи онѣ все-таки досадно повторялись: употребляемый для потѣшныхъ огней порохъ распространялъ кругомъ ѣдкій и

удушливый дымъ. Кулибинъ догадался замѣнить пороховыя вспышки зеркальными фонтанами, а трескъ и грохотъ производить механически посредствомъ желѣзныхъ листовъ. Такой оптической фейерверкъ имѣлъ еще то преимущество, что былъ совершенно безопасенъ даже въ закрытыхъ стѣнахъ. О своемъ новомъ изобрѣтеніи Иванъ Петровичъ прежде всего доложилъ Потемкину, а тотъ— императрицѣ. Екатерина была рада всякому случаю доставить невинный „плезиръ“ своимъ внучатамъ, и вскорѣ нашъ „фейерверкеръ“ долженъ былъ въ царскосельскомъ дворцѣ „демонстрировать“ свой бездымный фейерверкъ передъ великими князьями и княжнами.

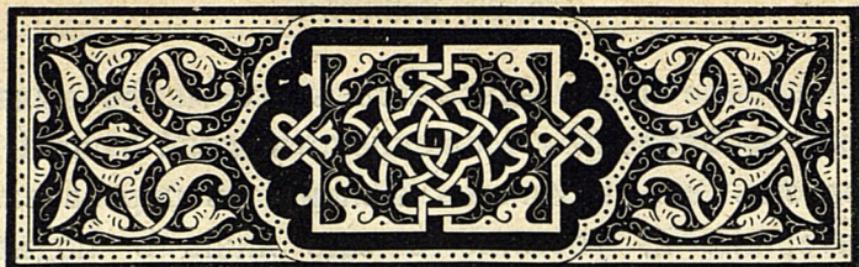
Въ оставшихся послѣ Кулибина бумагахъ нашлось такое описаніе его оптическаго фейерверка:

„Увеселительный въ покояхъ безъ пороху и дыму несгораемый фейерверкъ съ движимыми разнообразно колесными и фонтанными машинами, изъ коихъ воображаются зрѣнію сыплющіяся безчисленнаго количества искры и звѣзды, а слуху отъ разрыва какъ будто бы нѣсколькихъ тысячъ ракетъ слышны удары съ немалымъ громомъ, съ изображенными на щитахъ зданіями и аллегорическими фигурами, съ разноцвѣтными въ огнѣ колерами“.

Фейерверкъ этотъ настолько понравился Потемкину, что Иванъ Петровичъ долженъ былъ потомъ повторить его и въ Таврическомъ дворцѣ для иностранныхъ пословъ.

Не перечисляя здѣсь всѣхъ его менѣ выдающихся изобрѣтеній и усовершенствованій (главнымъ образомъ для научныхъ цѣлей) въ царствованіе Екатерины II, упомянемъ еще лишь о подъемныхъ креслахъ, сдѣланныхъ Кулибинымъ для самой государыни, страдавшей въ старости болью въ ногахъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Спускъ военнаго корабля. — Починка колоколеннаго шпилья Петропавловскаго собора въ Петербургѣ.

Въ кратковременное царствованіе Павла I (1796 — 1801), нашъ престарѣлый уже изобрѣтатель дважды еще заставилъ говорить о своей практической находчивости.

Въ главномъ адмиралтействѣ въ Петербургѣ строились иностранными инженерами три военныхъ корабля: „Святая Анна“, „Архистратигъ Гавриилъ“ и „Новая Благодать“. Когда корабли были окончены постройкой, поглазѣть на спускъ ихъ на воду стеклось, какъ всегда, множество народу. Былъ тутъ и Кулибинъ, котораго особенно интересовала техническая сторона дѣла. Онъ ходилъ вокругъ да около кораблей, разглядывая всѣ приспособленія для ихъ спуска.

Императоръ Павелъ I.

— И чего онъ тутъ расхаживаетъ!—толковали межъ собой инженеры.—Сидѣль бы себѣ въ своей академической мастерской...

Вдругъ Иванъ Петровичъ подходитъ къ главному строителю.

— Смѣю обратить ваше вниманіе на нѣкую неправильность...

— Неправильности!

— Да-съ; вонъ этотъ самый большой вашъ корабль, боюсь я, застрянетъ по пути.

— Larifari! Вашего совѣта, сударь, не спрашиваютъ.

— Какъ угодно-съ.

Иванъ Петровичъ съ скромнымъ достоинствомъ отошелъ опять въ сторону.

Тутъ въ отдаленіи показался царскій экипажъ. Главный строитель бросился навстрѣчу государю, а подчиненные стали всѣ на вытяжку по своимъ мѣстамъ.

Императоръ Павелъ, какъ извѣстно, былъ чрезвычайно требователенъ и вспыльчивъ. Съ появленіемъ его у стапеля ¹⁾ перваго корабля, кругомъ воцарилось общее напряженное молчаніе. Строитель подаль знакъ,—и корабль двинулся со стапеля. Когда онъ благополучно спустился въ воду, строитель черезъ плечо оглянулся на Кулибина: „что, дескать, братъ?“

Не менѣе успѣшно было спущено и второе

¹⁾ Стапель—наклонный къ водѣ помостъ, на которомъ стоятъ строящіяся суда.

судно. Когда же очередь дошла до самага большого—„Новой Благодати“,—опасеніе Ивана Петровича оправдалось: корабль тронулся было, но прошелъ только половину стапеля и остановился.

Какъ муравьи на муравейникѣ, забѣгали вокругъ корабля инженеры и матросы, съ трескомъ ломались дубовыя бревна, лопались толстые канаты, а корабль, словно сросся со стапелемъ, все ни съ мѣста.

— Ну, что же?—промолвилъ государь, нервно подергивая на рукахъ лосиныя перчатки и потопывая ногой.

— Сейчасъ двинется, ваше величество, сію секунду,—обѣщаль строитель, совсѣмъ оторопѣвшій при видѣ этихъ явныхъ признаковъ царскаго гнѣва.

Но ни самъ онъ, ни подначальные ему инженеры, не менѣе его ошалѣвшіе отъ страха, не знали, что еще предпринять. А безкровное лицо государя все болѣе краснѣло, жилы на лбу у него налились, глаза метали молніи. Вдругъ онъ круто повернулся и, не удостоивъ злосчастнаго строителя ни одного слова, отбылъ во дворець.

Стали расходиться и зрители, обмѣниваясь насчетъ инженеровъ нелестными замѣчаніями.

— Ну, что же, Иванъ Петровичъ,—обратился къ Кулибину бывшій тутъ же одинъ его знакомый,—чего вамъ еще ждать-то? Въ васъ вѣдь не нуждаются. Не завернете ли вы ко мнѣ на стаканъ чаю?

Кулибинъ не отказался. Но не успѣлъ онъ еще допить у знакомаго свой первый стаканъ, какъ за нимъ прибѣгаетъ матросъ.

— Вы здѣсь, ваше благородіе? Слава тебѣ, Господи!

— А что?

— Да господа инженеры Христомъ-Богомъ молятъ васъ выручить ихъ изъ бѣды. Вѣдь коли „Благодать“ и завтра еще не будетъ спущена, такъ самихъ ихъ, того и гляди, отправятъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

Иванъ Петровичъ возвратился въ адмиралтейство, осмотрѣлъ здѣсь опять со всѣхъ сторонъ застрявшій на стапелѣ корабль и сомнительно покачалъ головой.

— Да вѣдь вы говорили про одну только неправильность?— замѣтилъ въ минорномъ уже тонѣ главный строитель, ходившій за нимъ по пятамъ.

— Была-то одна,—отвѣчалъ Кулибинъ,—а теперь, поглядите, сколько поломано бревенъ и порвано канатовъ!

— Такъ какъ же быть-то? Помогите, ради самого Создателя!

— Что будетъ въ силѣ моей возможности, я готовъ сдѣлать. Дайте мнѣ сроку до утра. За ночь, авось, кое-что и придумаю.

Цѣлую ночь напролетъ Кулибинъ просидѣлъ у себя за вычисленіями, а поутру отправился снова въ адмиралтейство, гдѣ его съ замираніемъ сердца ожидали уже инженеры. По его указаніямъ, весь корпусъ корабля былъ перевязанъ кругомъ канатами, канаты же укрѣплены на блокахъ и проведены затѣмъ къ двумъ большимъ вѣртамъ, установленнымъ на возвышенномъ берегу. Въ помощь

матросамъ, поставленнымъ у канатовъ, вызвалось тотчасъ еще множество охотниковъ изъ огромной толпы зрителей.

— Ну, братцы, съ Богомъ!—сказалъ Кулибинъ.—Какъ только я махну платкомъ, вы всѣ тяните дружно.

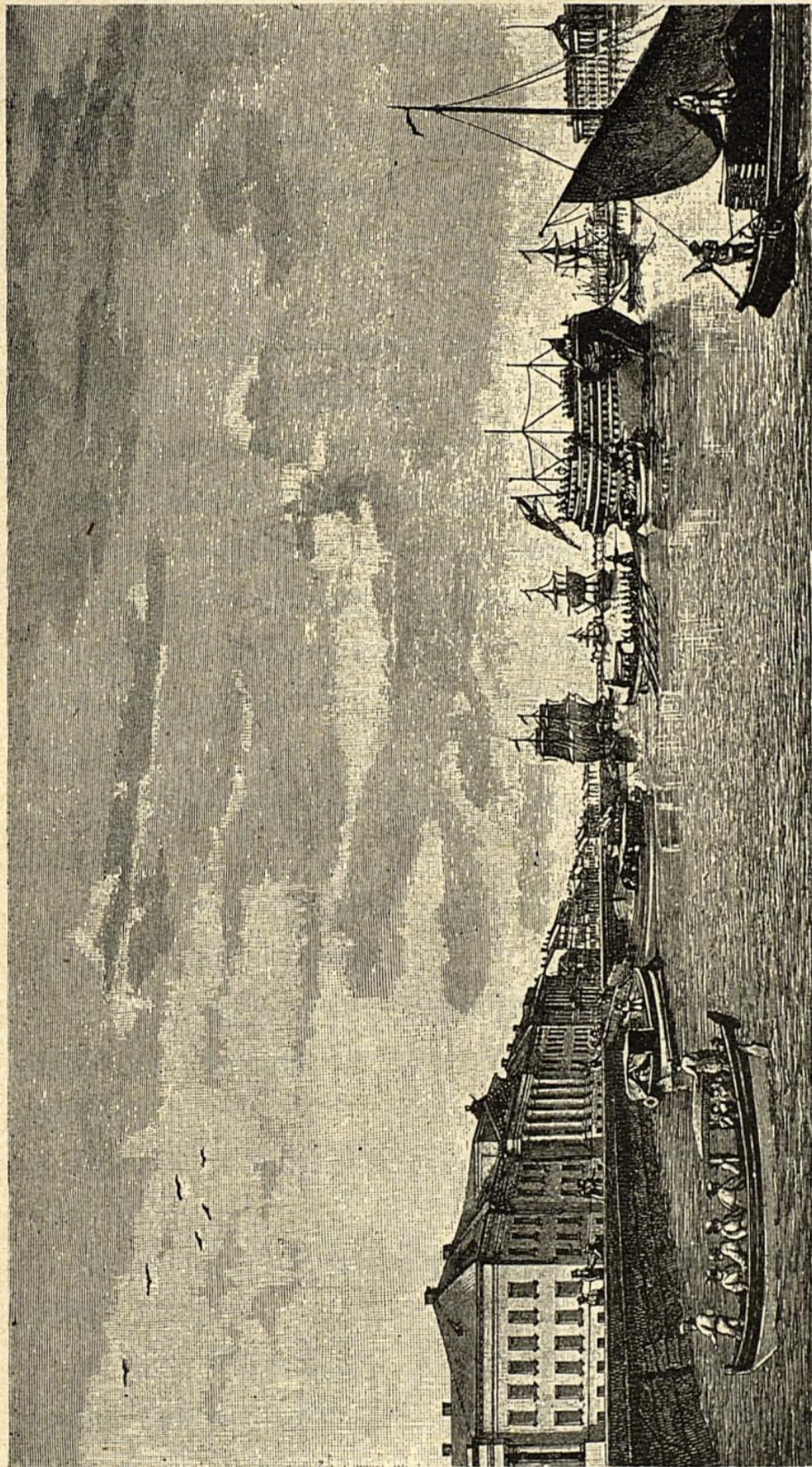
И, взожда на корабль, онъ махнулъ платкомъ. Тысячи рукъ потянули канаты, блоки и вѣроты завертѣлись,—и корабль, какъ по маслу, съѣхалъ со стапеля въ Неву.

— Ура!—прокатился тутъ кругомъ громогласный, восторженный кликъ.—Спасибо русачку! Каковъ нашъ братъ, бородачъ!

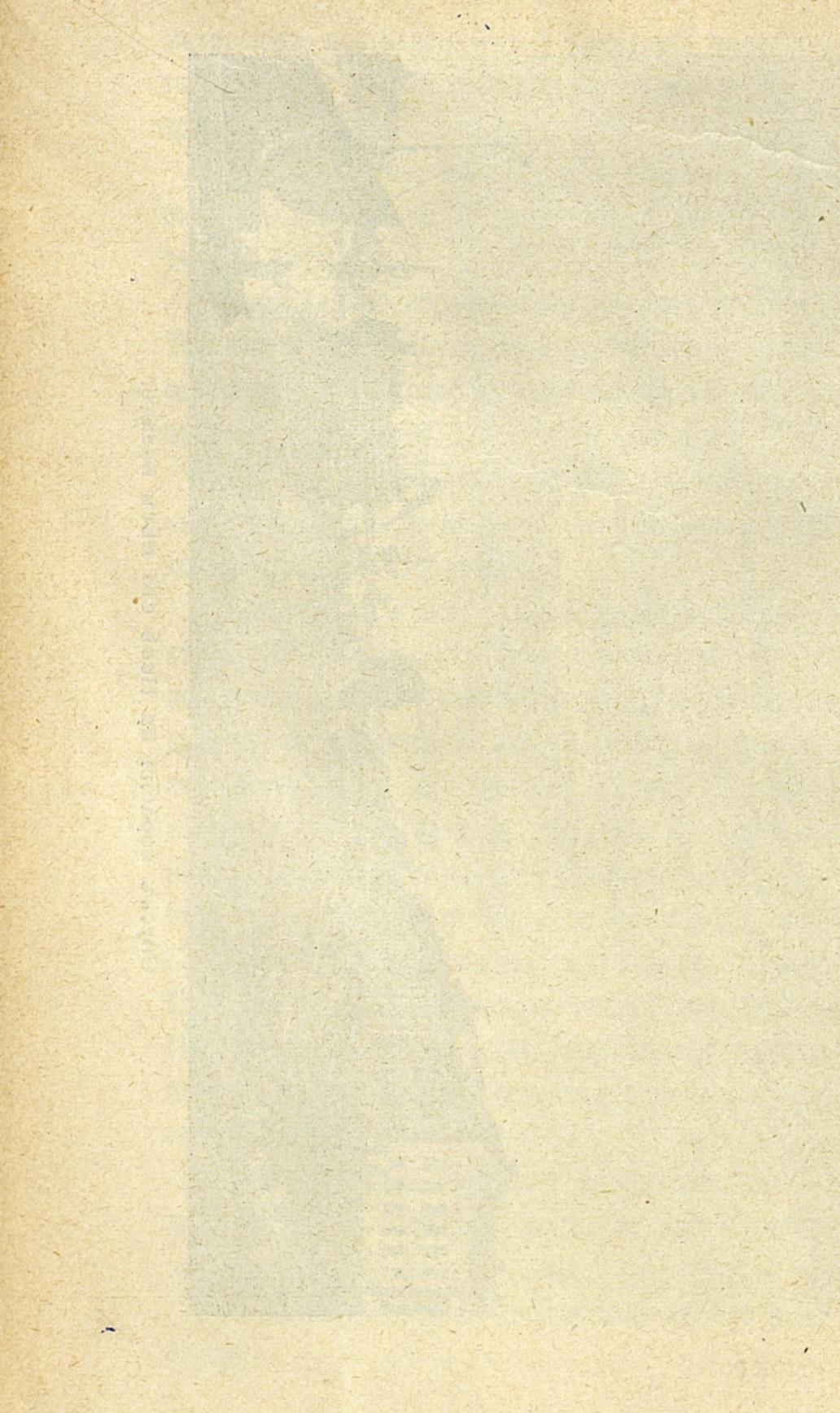
Павель I, при всей своей горячности, былъ сердцемъ добръ и отходчивъ. Когда ему было доложено о благополучномъ спускѣ „Новой Благодати“, онъ сложилъ гнѣвъ на милость: главному строителю былъ пожалованъ дорогой подарокъ, матросамъ и помогавшимъ имъ добровольцамъ изъ народа объявлена монаршая благодарность, а Кулибинъ удостоился у государя особой аудіенціи. Съ тѣхъ поръ, при всякой встрѣчѣ съ Иваномъ Петровичемъ на улицѣ или во дворцѣ, императоръ Павель милостиво съ нимъ заговаривалъ, справляясь о его здоровьи и называя его не иначе, какъ по имени и отчеству.

За всѣмъ тѣмъ Кулибинъ и его семейные не на шутку всполошились, когда за нимъ явился разъ изъ дворца фельдъегерь.

— Пожалуйте, ваше благородіе, къ его величеству.

Спускъ корабля на Невѣ сто лѣтъ назадъ.

— Къ самому государю!

— Къ самому-съ. Приказано привести васъ сей же часъ.

— Но для чего?

— Не могу знать.

— Да кто былъ у его величества послѣднимъ съ докладомъ?

— Послѣднимъ былъ, кажись, комендантъ Петропавловской крѣпости.

Часъ отъ часу не легче! Не зная, однако, за собою никакой служебной провинности, Иванъ Петровичъ, насколько могъ, успокоилъ жену и дѣтей, наскоро облекся въ свое лучшее платье и поѣхалъ съ фельдъегеремъ во дворецъ. Съ первыхъ же словъ государя у старика отлегло отъ сердца.

— Садитесь, Иванъ Петровичъ. Какъ ваше здорье?

— Благодарствуйте, ваше величество. Богъ грѣхамъ еще терпитъ.

— Въ ваши годы какіе ужъ грѣхи! А скажите-ка: сколько времени вы теперь въ Петербургѣ?

— Да съ 69-го года; слишкомъ, значить, тридцать лѣтъ.

— А было ли здѣсь при васъ когда землетрясеніе?

— Въ Петербургѣ землетрясеніе?—переспросилъ Иванъ Петровичъ, совсѣмъ озадаченный страннымъ вопросомъ.—Никогда.

Императоръ усмѣхнулся.

— Я самъ до сегодняшняго дня такъ думалъ, что нѣтъ на то здраваго резона. А вотъ комендантъ крѣпости клянется, что было землетрясеніе; да только никто, видите ли, кромѣ него одного, не замѣтилъ.

— Но съ чего онъ взялъ это, ваше величество?

— А шпиль на крѣпостномъ соборѣ покровился.

— Такъ это, можетъ, отъ вчерашней бури? Вѣтеръ былъ страшный...

— И я ему то же самое говорилъ; а онъ все свое: „землетрясеніе!“ Ну, да какъ бы тамъ ни было, а выпрямить шпиль надо. Не возьметесь ли вы это сдѣлать, Иванъ Петровичъ? Позволятъ ли вамъ ваши годы всходить на такую высоту?

— Отчего же? Я пятый годъ уже каждодневно всхожу здѣсь на вышку дворца заводить и провѣрять часы.

— Тѣ самые, что я приказалъ вамъ поставить во фронтонѣ на площадь?

— Точно такъ.

— А получаете ли вы за таковой вашъ каждодневный трудъ особое жалованье?

— Никакъ нѣтъ.

— Какъ же это такъ?.. Ну, да объ этомъ рѣчь впереди. Теперь же укрѣпить бы соборный шпиль.

— Воля вашего величества для меня—законъ. Но осмѣлюсь доложить, что дѣло это—не столько механика, сколько архитектора...

— А мой архитекторъ Гваренги утверждаетъ, что дѣло это—механика, и въ своемъ амбарѣ требуетъ себѣ отъ васъ сиккурсу. Такъ вотъ какъ-нибудь столкнитесь уже съ нимъ и укрѣпите шпиль общими силами. Сдѣлаете вы сіе благоуспѣшно, такъ я не забуду васъ своею милостью.

На слѣдующее утро дворцовый архитекторъ съ двойнымъ „сиккурсомъ“: Кулибинымъ и однимъ простымъ рабочимъ, карабкался вверхъ по крутой и тѣсной лѣстницѣ колокольни Петропавловскаго собора. Гваренги, хотя и былъ много моложе Ивана Петровича, которому минуло тогда уже 65 лѣтъ, но по своей тучности страдалъ одышкой. Чѣмъ выше они поднимались, тѣмъ чаще останавливался толстякъ, чтобы передохнуть и отереть фуляромъ потъ, струившійся съ лица его въ три ручья.

— Живу я вѣдь на самомъ верху эрмитажнаго театра...—говорилъ онъ, пыхтя и отдуваясь,—могъ бы, кажется, привыкнуть къ лѣстницамъ... но тутъ не знаю ужъ... доберусь ли...

До верхняго яруса каменнаго зданія колокольни онъ-таки добрался; но здѣсь бухнулъ на перекладину.

— Уфъ! хоть убейте... дальше не могу...

— Отдохните немножко, — сказалъ старикъ-механикъ, у котораго только щеки слегка покраснѣлись.

— Да вы сами-то, Иванъ Петровичъ, неужто еще не устали?

— Духъ маленько тоже захватило; а то ничего. Хоть сейчасъ полѣзь бы дальше.

— Завидная же у васъ комплекція! Ну, и полѣзайте съ Богомъ.

— Какъ! безъ васъ?

— Да чего я тамъ не видалъ? Потомъ мнѣ расскажете, что тамъ. А я тѣмъ временемъ посижу тутъ, отдышусь.

И полѣзь Иванъ Петровичъ, а за нимъ рабочій. Для тучнаго архитектора эта часть пути, въ самомъ дѣлѣ, могла быть гибельна: вмѣсто каменныхъ ступеней, были здѣсь только совсѣмъ отвѣсныя проволочныя лѣстницы; а еще выше не было и лѣстницъ,—были однѣ проволочки „курантовъ“ (башенныхъ часовъ); приходилось хвататься за нихъ руками и пролѣзать между висячими колоколами и молотками. Наконецъ-то, сквозь слуховое окошко, они выбрались наружу на самое основаніе покосившагося шпиля. На колѣняхъ Кулибинъ проползъ кругомъ всего шпиля, ощупывая его въ разныхъ мѣстахъ руками.

— Ну, что, любезный, — сказалъ онъ рабочему,—каково тутъ, а?

— Ужъ чего лучше, ваше благородіе: весь Питеръ, что на ладони! Глазъ бы не отвелъ.

— Такъ вотъ мы съ тобой и завтра, и послѣзавтра отсюда досыта наглядимся. А теперь пора опять и внизъ къ господину Гваренгію: по насъ, чай, стосковался.

— А я думалъ, не снесло ли уже васъ обоихъ

вѣтромъ,—говорилъ имъ Гваренги.—Ну, что тамъ случилось?

— Да въ основаніи шпиля болты ослабли,— отвѣчалъ Кулибинъ,—деревянные контрфорсы разохлись, а на желѣзныхъ полосахъ кое-гдѣ и винты повыскочили.

— Ой-ой! Безъ лѣсовъ, значить, не обойтись.

— Затѣмъ лѣса? Мы и такъ справимся.

— Кто „мы“?

— Да я вотъ съ этимъ малымъ. Завтра же принимаемся за дѣло. Но отъ васъ, какъ отъ архитектора, должна быть на то аппробація.

— Аппробирую все, что хотите!

— И не глядя?

— Да что я, по вашему, съ ума спятилъ, что ли, чтобы лѣзть туда на вѣрную смерть? Слуга покорный!

— Но всеподданнѣйшій-то рапортъ вы со мною все-таки подпишете?

— Подпишу обѣими руками.

Такъ Кулибинъ вдвоемъ съ рабочимъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ утра взбирался прежнимъ порядкомъ къ колоколенному шпилю, скрѣплялъ тамъ болты, вбивалъ въ контрфорсы клинья, привинчивалъ желѣзныя полосы, а въ заключеніе, вмѣстѣ съ Гваренги, представилъ императору Павлу рапортъ объ успѣшномъ окончаніи работы.

Государь остался очень доволенъ и, вспомнивъ при этомъ, что Иванъ Петровичъ пятый уже годъ

заводить и провѣряетъ дворцовые часы безвозмездно, повелѣлъ производить ему за то постоянное содержаніе по 1,200 руб. въ годъ, а за прошлые четыре года выдать еще единовременно 4,800 рублей ¹⁾).

¹⁾ Кстати можемъ здѣсь упомянуть о крестьянинѣ Петръ Телушкинѣ, который, 30 лѣтъ спустя, въ 1830 г., починилъ на верхушкѣ того же колоколеннаго шпиля Петропавловскаго собора крестъ и держащаго его въ рукѣ ангела. Вѣтромъ были оторваны мѣдные золоченые листы съ креста и съ одного крыла ангела. По архитектурской смѣтѣ для ихъ починки приходилось возвести лѣса на высотѣ 65-ти сажень. Телушкинъ же, по своему ремеслу кровельщикъ, взялся исполнить всю работу безъ лѣсовъ въ 6 недѣль. На верхушку шпиля онъ взбирался по сдѣланной имъ самимъ веревочной лѣсенкѣ, для прикрѣпленія которой къ кресту долженъ былъ сперва обходить снаружи винтомъ вокругъ шпиля, упираясь носками въ двухвершковые изгибы металлическихъ листовъ и цѣпляясь за нихъ руками, отъ чего изъ-подъ ногтей у него даже выступала кровь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Прощальная аудіенція у императора Александра I.—
Возвращеніе въ Нижній.

На склонѣ жизни, какъ то часто бываетъ со старыми людьми, Кулибина неудержимо потянуло на родину—въ Нижній-Новгородъ. Онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы при Академіи, и ему была назначена, по повелѣнію императора Александра I, пенсія въ 3,000 рублей. Молодой государь пожелалъ, однако, и лично проститься съ старикомъ-изобрѣтателемъ и принялъ его въ особой аудіенціи.

— Жаль мнѣ, очень жаль, что вы оставляете Академію,—сказалъ онъ.—Но пенять на васъ я не могу; надо вамъ наконецъ почить и на лаврахъ отъ неустанныхъ трудовъ.

— Трудитесь, ваше величество, вошло у меня въ привычку,—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ.—Безъ

труда что за жизнь! И въ Нижнемъ я тоже не буду сидѣть сложа руки.

— Такъ у васъ все еще новые прожекты?

— Не то чтобы новые, а неоконченные...

— Какіе же? Скажите.

— Да первымъ дѣломъ я за святой долгъ полагаю исполнить свое обѣщаніе блаженной памяти бабушкѣ вашего величества — усовершенствовать мое самоходное судно такъ, чтобы оно могло ходить и по Волгѣ, гдѣ столько пороговъ и мелей.

— Прекрасное дѣло! Затѣмъ еще что же?

— Затѣмъ мнѣ хотѣлось бы оставить добрую память по себѣ и милому Петербургу, гдѣ я прожилъ полжизни. Мой планъ висячаго моста хотя Академіей и былъ одобренъ, но постояннаго моста черезъ Неву о сю пору все еще нѣтъ какъ нѣтъ. Можетъ статья, другому моему плану—моста на каменныхъ устояхъ—болѣе посчастливится.

— Дай вамъ Богъ! Но на все это требуются вѣдь немалыя средства? А располагаете ли вы ими?

— Въ средствахъ весь вопросъ...—вздыхнулъ Кулибинъ. — Справлюсь сперва со старыми долгами, а тамъ буду экономить на пенсіи...

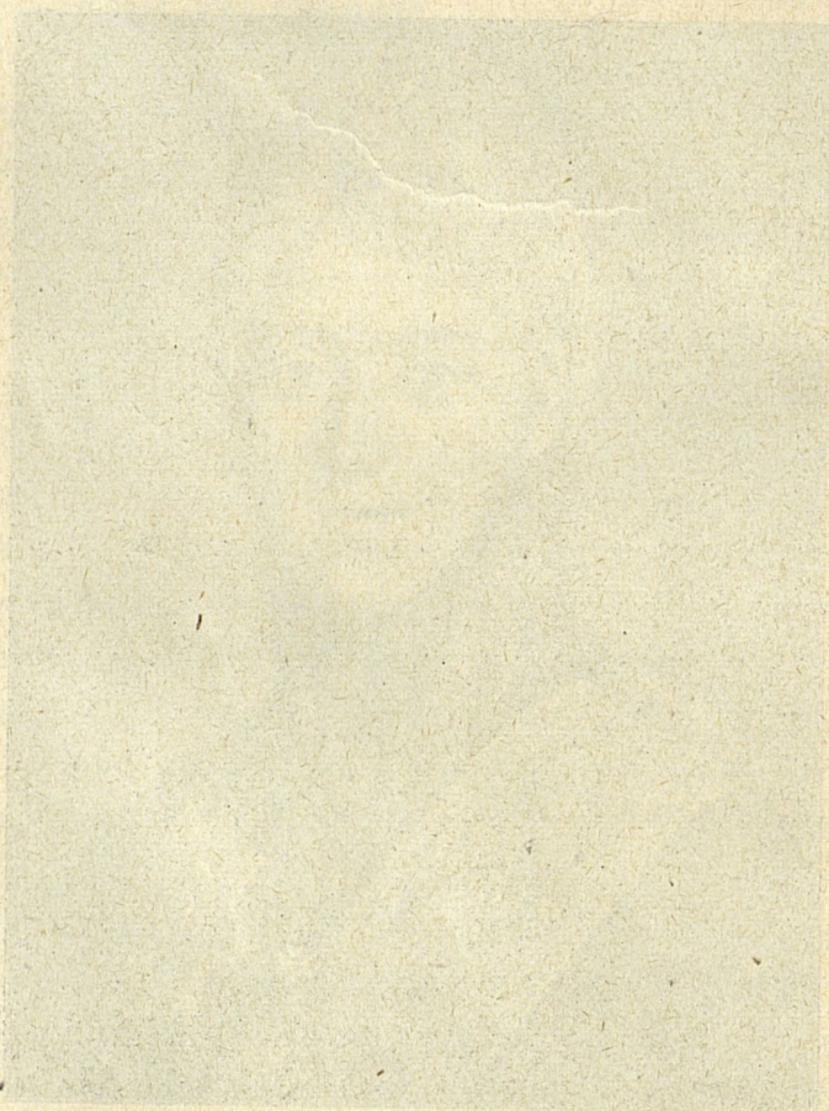
— Такъ у васъ есть еще и долги? Но своими изобрѣтеніями вы зарабатывали, я полагаю, не мало?

— Зарабатывалъ, ваше величество. Но у меня, смѣю доложить, и семья большая; да, кромѣ того, ни одно изобрѣтеніе не дается вѣдь сразу, и всякія улучшенія и передѣлки поглощаютъ столько денегъ, что и не оберешься.

Государь задумался.

Императоръ Александръ I.

— Сколько же у васъ всего долгу?—спросилъ онъ.

— Стыжусь признаться вашему величеству...

— Ничего, говорите.

— Да тысячъ до шести.

— Онѣ будутъ уплачены. Пенсію вы должны получать для себя и для семьи полностью.

— Не знаю, какъ и благодарить ваше величество!

— Хорошо, хорошо. А на ваши работы у васъ все-таки не будетъ еще средствъ?

— По мѣрѣ надобности буду брать въ долгъ подь пенсію...

— Опять въ долгъ! Отъ этой слабости, я вижу, васъ одна могила вылѣчить! — улынулся молодой государь.—Такъ вотъ что я вамъ предложу. Ежели брать вамъ уже въ долгъ, такъ у меня: я велю вамъ отпустить заимобразно,—ну, хоть другія еще 6,000, а въ уплату ихъ изъ вашей пенсіи будутъ удерживать по 1,000 рублей въ годъ. Что вы на это скажете?

— Ваше величество дѣлаете меня счастливейшимъ человѣкомъ! — отвѣчалъ Кулибинъ, припадая къ рукѣ государя, а государь въ свою очередь на прощанье обнялъ и поцѣловалъ старика.

Что долженъ былъ чувствовать Иванъ Петровичъ, подѣзжая опять къ Нижнему-Новгороду, гдѣ онъ провелъ первую половину своей жизни? Уѣхалъ онъ молодымъ еще человѣкомъ, полнымъ розовыхъ надеждъ; возвращался же хотя еще и не дряхлымъ старцемъ, но все-таки старикомъ,

испытавшимъ всякія превратности и разочарованія въ своихъ лучшихъ начинаніяхъ. Изъ былыхъ его знакомыхъ иныхъ не было уже въ живыхъ, другіе, подобно ему, состарились и давно его, пожалуй, забыли...

Одинъ только старый пріятель—бывшій ученикъ его, часовой мастеръ Пятериковъ—остался ему, въ дѣйствительности, неизмѣнно вѣренъ, и прежнія ихъ добрыя отношенія тотчасъ возобновились. Что же до остальныхъ нижегородцевъ, то для нихъ Кулибинъ сталъ не болѣе, какъ предметомъ любопытства, такъ какъ и до Нижняго долетали временами слухи о его чудесныхъ „выдумкахъ“.

Въ Петербургѣ, бывало, привязанность Ивана Петровича къ русскому національному платью и бородѣ давала столичнымъ острякамъ поводъ къ дешевымъ шуткамъ. Такъ одинъ изъ нихъ попросилъ у него разъ:

— Одолжи-ка меня, дѣдушка, своимъ платьемъ и бородой для маскарада.

— Съ удовольствіемъ, милый внучекъ,—отвѣчалъ невозмутимый и всегда находчивый „дѣдушка“.—Доживи только до моихъ лѣтъ.

Другой шутникъ на прогулкѣ въ Лѣтнемъ саду подошелъ къ нему подь благословеніе.

— Прости, дружокъ,—сказалъ Иванъ Петровичъ:—не моя недѣля.

Въ Нижнемъ Новгородѣ такихъ случаевъ уже не повторялось. Но всѣмъ было хорошо извѣстно, что Кулибинъ въ купленномъ имъ у церкви Успе-

ня Божіей Матери ветхомъ домикъ „чудесить“. А потому, когда онъ по воскреснымъ днямъ во главѣ своей многочисленной семьи появлялся въ церкви у обѣдни, взоры всѣхъ прихожанъ устремлялись на идущаго впереди величавой походкой, невысокаго и худощаваго, но благообразнаго старичка съ окладистой бѣлоснѣжной бородой, въ суконномъ кафтанѣ (зимой—опушенномъ бобромъ) сверхъ фіолетоваго бархатнаго полукафтання и въ черно-бархатныхъ шароварахъ, засунутыхъ въ сапоги.

— Ишь ты, пышный какой!— шушукались межъ собой нижегородскія кумушки.— Молиться-то, небось, заладилъ къ намъ, православнымъ, а къ исповѣди ходитъ, слышь, въ свою единовѣрческую церковь. Что-то, знать, нечисто!

— Да и табаку, говорятъ, не курить, вина не пьеть, въ карты не играетъ, какъ другіе добрые люди.

— И ругаться толкомъ не умѣеть. Говорить со всякимъ вѣжливо, тихимъ, кроткимъ голосочкомъ. Видно, неладно!

— Самъ вѣдь бѣлъ, какъ лунь, лежалъ бы себѣ на печи. Анъ нѣтъ, цѣлый день на рѣкѣ, и въ дождь, и въ холодъ, надъ суденышкомъ какимъ-то возится; ввечеру же до поздней ночи въ окошкѣ у него огонь горитъ... Ужъ не вѣдается ли онъ съ нечистой силой?

— Вотъ, вотъ! Вѣрно, что такъ.

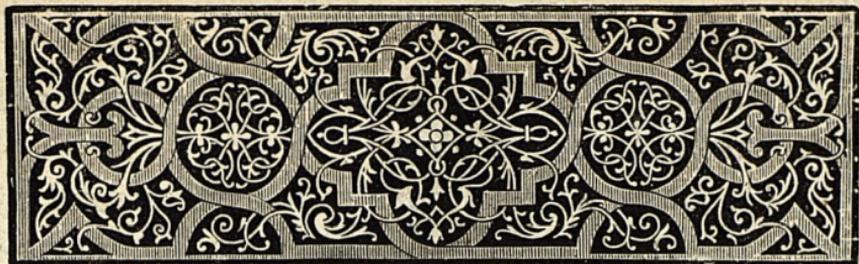
И, подобно тому, какъ во время оно безобид-

ные алхимики ¹⁾ почитались злыми волшебниками, у нижегородскаго темнаго люда Кулибинъ прослылъ вскорѣ колдуномъ.

Болѣе здравомыслящіе обыватели Нижняго относились къ нему, разумѣется, иначе, такъ какъ его трудолюбіе, честность и умѣренный образъ жизни внушали имъ невольное уваженіе.

¹⁾ Алхимики, положившіе начало современной химіи, доискивались такъ-называемаго философскаго камня—первоисточника всего существующаго. Философскій камень, заключая въ себѣ, по ихъ мнѣнію, составныя части всѣхъ веществъ, долженъ былъ излѣчивать всѣ болѣзни, возвращать старикамъ утраченную молодость и превращать въ золото всѣ неблагородные металлы.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Самоходное судно.—Постоянный мостъ черезъ Неву.—
Perpetuum mobile.—Кончина Кулибина.

Долго работалъ Иванъ Петровичъ надъ усовершенствованіемъ своего самоходнаго судна для Волги, пока не достигъ своей цѣли. Въ присутствіи губернатора и выборныхъ отъ дворянства и купечества, готовое судно было испытано и единогласно признано отвѣчающимъ своему назначенію.

— Честь вамъ и слава, господинъ Кулибинъ,— сказалъ губернаторъ:—вы освободили бурлаковъ отъ ихъ каторжной лямки, и они могутъ опять обратиться къ сохѣ и боронѣ. Оборотъ же нашей хлѣбной торговли удвоится, если не утроится. Честь вамъ и слава!

— Значить, я могу рассчитывать, ваше превосходительство, что казна закажетъ у меня нѣсколько такихъ судовъ?

— Казна?.. Гм... Въ успѣхъ этого дѣла всего ближе заинтересовано купечество.

— Но безъ почина правительства наше русское купечество, какъ вы сами, конечно, изволите знать, врядъ ли возьмется за совсѣмъ новое предприятие.

— Такъ-то такъ... Но отвѣчать впередъ за заказъ отъ правительства я не могу; это—дѣло министерства коммерціи.

— Такъ не донесете ли, ваше превосходительство, хотя бы господину министру объ успѣшномъ опытѣ?..

— Донесу, будьте покойны, долгомъ своимъ сочту. Вы же отъ себя войдите со всеподданнѣйшей просьбой къ государю императору о принятіи вашей самоходной машины и о возмѣщеніи понесенныхъ издержекъ на построение оной.

Донесеніе и всеподданнѣйшая просьба были отправлены въ Петербургъ. Тогдашній министръ коммерціи, графъ Румянцевъ, передалъ чертежи и описаніе новаго самоходнаго судна на разсмотрѣніе департамента водяныхъ сообщеній, а департаментъ поручилъ это дѣло инженеръ-генералу Деваланту. Несмотря на удостовѣреніе нижегородскаго губернатора и выборныхъ отъ дворянства и купечества, что опытъ съ кулибинскимъ судномъ вполнѣ удался, инженеръ-генераль нашель, что съ гидротехнической точки зрѣнія устройство судна не можетъ быть одобрено, и замѣчанія его были сообщены въ Нижній-Новгородъ изобрѣтателю. Каждое изъ тѣхъ замѣчаній

Кулибинъ опровергнулъ научными же соображеніями, и возраженія свои отослалъ въ Петербургъ. Повидимому, тамъ убѣдились въ ихъ основательности, потому что израсходованные Кулибинымъ на постройку судна 6,000 руб. были ему возвращены изъ государственнаго казначейства, а самое судно приказано было сдать до времени на храненіе въ городскую ратушу. О заказѣ другихъ такихъ же судовъ на казенный счетъ, однако, не было упомянуто ни словомъ. Естественно, что и мѣстное купечество, испоконъ вѣку привыкшее къ бечевой тягѣ, въ косности своей не могло рѣшиться замѣнить эту тягу на свой страхъ дорогимъ и все же какъ бы сомнительнымъ новшествомъ. Нѣсколько лѣтъ пролежало такъ самоходное судно въ сараѣ городской ратуши, а въ концѣ концовъ „по негодности“ продано было ратушей съ аукціона... на дрова!

Какою горечью должно было наполниться сердце изобрѣтателя при видѣ такой участи одной изъ его любимыхъ идей! Сколько времени и трудовъ вѣдь было на нее потрачено, сколько пользы сулила она всему Поволжью, и вотъ, когда примѣнимость ея на практикѣ оправдалась, все пошло прахомъ по милости ученаго инженера и неученой ратуши!

Но Иванъ Петровичъ не ропталъ; съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ принялъ онъ этотъ ударъ судьбы, какъ и два послѣдующіе, не менѣе жестокіе.

Вторую идею, услаждавшую его старость, онъ

также довелъ до конца. Подробное описаніе придуманнаго имъ постояннаго желѣзнаго моста черезъ Неву на четырехъ каменныхъ устояхъ съ желѣзными ледорѣзами и съ разводною переднею частью было отправлено въ Петербургъ, и завязалась опять переписка. По мнѣнію инженеръ-генерала Бетанкура, Нева была слишкомъ глубока и быстра, чтобы на ней возможно было утвердить прочные мостовые устои. Напрасно нашъ изобрѣтатель цифрами и чертежами старался убѣдить ученаго инженера. Тотъ стоялъ на своемъ. Кто изъ нихъ былъ правъ,—наглядно свидѣтельствуютъ существующіе теперь на Невѣ три постоянныхъ моста на каменныхъ устояхъ. Но въ то время мнѣніе ученаго восторжествовало, и Кулибину оставалось только утѣшаться надеждой, что когда-нибудь его идея все-таки осуществится.

Между тѣмъ надъ головой его собиралась еще одна туча. Купленный имъ при переѣздѣ въ Нижній старый домикъ совсѣмъ развалился. Для постройки же новаго у него не было наличныхъ денегъ. Распродавъ изъ своего домашняго скарба все, безъ чего возможно было кое-какъ обойтись, онъ сторговалъ себѣ поблизости на возвышенномъ берегу Волги небольшой участокъ съ живописнымъ видомъ на дорогую ему Волгу-матушку и Заволжье, и принялся тутъ строить новый домъ по собственному плану. Но едва лишь домъ былъ подведенъ подъ крышу, какъ среди ночи по соудству загорѣлось, пламя перебросило и на оба

кулибинскіе дома: старый и новый, и оба сгорѣли до тла почти со всѣмъ имуществомъ. Страхованія отъ огня тогда еще не существовало, и Кулибины обратились въ бездомныхъ погорѣльцевъ. Сперва ихъ пріютилъ у себя старый пріятель Пятериковъ, потомъ—одна изъ замужнихъ дочерей Ивана Петровича. Но жить съ цѣлой семьей у другихъ изъ милости было ему въ тягость. Взявъ ссуду подъ свою пенсію, онъ купилъ себѣ полуразрушенный домикъ на Ильинкѣ близъ Вознесенскаго оврага. Жилось тамъ тѣсно, сквозь щели проникали и холодъ, и сырость, но жилье было все-таки свое, и никто посторонній не мѣшалъ неутомимому, не смотря на свои 80 лѣтъ, старцу трудиться надъ какой-то таинственной новой машиной. Какая то была машина—не вѣдала ни одна душа въ Нижнемъ, за исключеніемъ одного лишь старѣйшаго его друга, Пятерикова. Въ минуту откровенія Иванъ Петровичъ выдалъ ему, что работаетъ надъ „*perpetuum mobile*“.

— Это что же такое?—спросилъ Пятериковъ.

— *Perpetuum mobile* означаетъ вѣчное движеніе, — отвѣтилъ Кулибинъ. — Это—мечта, которою тѣшились изобрѣтатели еще въ древности. Почему бы и мнѣ на старости лѣтъ не помечтать? Все, что мною доселѣ изобрѣтено, было, казалось, такъ сбыточно, а многое ли сбылось? Такъ вотъ, посмотримъ, не сбудется ли самое несбыточное.

— Но какъ тебѣ, Иванъ Петровичъ, пришло вообще на мысль заняться такой штукой?

— Да при покойной еще императрицѣ Екатерины Алексѣевнѣ (царствіе ей небесное!) нѣкій нѣмецкій механикъ Фридрихъ Гейнгле прислалъ къ намъ въ Академію чертежи и описаніе своего *perpetuum mobile*. Въ письмѣ своемъ онъ просилъ разрѣшенія посвятить свою машину государынѣ. Такъ какъ эта машина, по его словамъ, должна была замѣнить силу и воды, и лошадей, то государыня отнеслась къ дѣлу весьма сочувственно, но чертежи и описаніе машины передала все-же мнѣ на повѣрку.

— А въ чемъ состоялъ ея механизмъ?

— Состоялъ онъ изъ двѣнадцати мѣховъ внутри колеса. Шестъ мѣховъ наливались ртутью или водою и должны были своею тяжестью заставить колесо вращаться. При этомъ ртуть или вода переливались въ другіе шесть мѣховъ, которые поворачивали колесо далѣе...

— И все это оказалось обманомъ?

— Не прямымъ обманомъ, а самообманомъ. На повѣрку такое колесо непрерывно вращаться не можетъ. На всякій случай я сдѣлалъ еще модель машины, и когда представилъ ее, вмѣстѣ съ моими расчетами, господамъ академикамъ, то они признали, что я совершенно правъ.

— И тѣмъ не менѣе ты самъ теперь берешься за то же?

— Да очень, братъ, ужъ заманчиво! Совѣтовался я и съ знаменитымъ нашимъ математикомъ Эйлеромъ. Онъ не отвергаетъ вѣчнаго движенія. Есть же оно и въ мірозданіи: планеты и кометы

вращаются вѣчно вокругъ солнца. Отчего бы не быть и искусственной вѣчнодвижущейся машинѣ? Сколько сдѣлано наукой великихъ открытій, которыя дотолѣ почитались также пустой мечтой.

И нашъ старецъ-мечтатель до послѣднихъ дней своей жизни, когда не могъ уже подняться съ постели, дряхлой рукой дѣлалъ чертежи своего *perpetuum mobile*, а на поляхъ чертежей—помѣтки. Одна изъ такихъ помѣтокъ была вызвана, надо думать, какой-нибудь неудачей:

„Моя насѣдка клохтала болѣе 50-ти лѣтъ, ломала голову и кружила, и такъ меня объѣла, что привела въ немалые долги, и во все это время разъ по двадцати обманывала насиженными яйцами, кои всѣ оказались болтунами“.

Другая помѣтка была внушена неугасавшею въ немъ вѣрой:

„Надѣющійся на Господа, яко гора Сіонъ, не подвижется во вѣкъ“.

Скончался Кулибинъ тихо, безъ всякихъ страданій, 30-го іюня 1818 г., на 84-мъ году жизни. Похоронами распоряжался все тотъ же Пятериковъ, принявшій и всѣ издержки по погребенію своего дорогого учителя на свой счетъ, такъ какъ никакихъ денегъ послѣ покойнаго не осталось. Проводить же его тѣло для отпѣванія въ едино-вѣрческой церкви, а затѣмъ и на кладбище, кромѣ членовъ его собственной семьи, стеклась многотысячная толпа. Гробъ несли на рукахъ учителя и ученики нижегородской гимназіи и именитые

купцы, отдавая такимъ образомъ послѣдній почетъ одному изъ даровитѣйшихъ русскихъ людей, посвятившему весь свой долгій вѣкъ на пользу родины, а своей семьѣ не оставившему ничего, кромѣ драгоцѣннѣйшаго невещественнаго наслѣдія—славнаго и честнаго имени.

2007054932